
ЛАРЕН ВЕЛЬСЕН
РАСЦВЕТАЮЩАЯ ТЕНЬ · ТОМ I
Мерцающий
След
18+

Ларен Вельсен
Мерцающий след

https://litres.ru/74910603
SelfPub; 2026

Аннотация

За попытку подчинить Тень всегда приходится платить. И обычно — чужими жизнями.

В Речном крае люди без видимой причины превращаются в агрессивных чудовищ. Инквизитор Куго Декрес прибывает в Жаннск, чтобы выяснить причину, но привычные методы расследования не дают ответов.

Молодой исследователь Иантис Белтрок уверен: даже Тень подчиняется законам науки. Но чем ближе он к доказательству, тем труднее отличить научную смелость от преступления.

На городском празднике случай сводит эльфийского учёного, знатного авантюриста и тёмного колдуна. Когда веселье оборачивается бойней, трое незнакомцев вступают в бой — и привлекают внимание инквизитора и преступных группировок.

Теперь продолжить свой путь оказывается сложнее, чем пережить схватку. Причину превращений хотят узнать многие. Но остановить их — далеко не все.

Содержание

Пролог. Зимнее солнцестояние.	4
Декрес	7
Иантис	23
Дуб	40
Каэдриэль	60
Следы в темноте	74
Ошибка, которой не было	91
Тень в порту	99
Сарейн	124
Теснота	135
Поместье	139
Верхние сады	153
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Ларен Вельсен
Мерцающий след

Пролог. Зимнее солнцестояние.

Тусклый луч солнца пробился сквозь облака, заставив снег на площади заискриться, и почти сразу погас. Повалил густой снег. Снежинки оседали на разноцветных флажках и шапках разгорячённых людей, таяли над пламенем костров. Дети играли в снежки, взрослые распивали обжигающий грог. Повсюду слышались смех и пение.

Озябшие музыканты взобрались на заснеженный помост. Спустя минуту над площадью полилась задорная музыка, и начались танцы.

Молодой парень стоял в сторонке, всматриваясь в толпу. Пальцы перебирали в кармане разноцветные бусы, приготовленные в подарок.

Наконец он увидел подругу. Лицо юноши просияло. Он махнул рукой и шагнул к ней. Девушка заметила парня и поспешила навстречу.

Резкий вопль пронёсся над толпой. Музыка с визгливым стоном оборвалась.

Девушка обернулась на звук. Юноша замер, не дойдя до неё нескольких шагов. Со всех сторон послышался встрево-

женный ропот.

Снова вопль.

Девушка коротко вскрикнула и бросилась прочь. Позади неё метнулся размытый силуэт.

Не успела.

Бегущий наперерез мужчина сбил её с ног и скрылся в толпе. Юноша закричал и рванулся к ней. Мощный удар бросил его лицом в снег.

В его груди что-то хрустнуло. Он попытался вдохнуть, но лишь открыл рот. Спустя долгое мгновение воздух наконец ворвался в лёгкие. Юноша перевернулся на бок.

— Наль?.. — прохрипел он.

Он едва узнал соседа, с которым болтал всего несколько минут назад.

Лицо Наля перекосила ярость. Мужчина уже размахнулся для нового удара. На его лбу проступило слабое свечение.

И вдруг занесённый кулак дрогнул. Наль хрюкнул и резко согнулся пополам. Лицо затопила мертвенная бледность.

— Наль, ты чего?.. — выдохнул юноша, поднимаясь на четвереньки.

Он всматривался туда, где упала подруга.

Её не было.

Люди бежали, толкались, падали. Юноша пополз вперёд, через боль в груди выкрикивая её имя. Голос тонул среди криков. Местами снег уже покраснел.

Совсем рядом раздался влажный хруст.

Парень обернулся.

Наль издал мучительный стон. Его руки дёрнулись, выбрасываясь вперёд и вытягиваясь. Глаза словно провалились, кожа с треском натянулась на черепе, превращая лицо в подобие звериной маски. Деформированные пальцы, похожие на кривые сухие сучья, вцепились в голову.

Затем Наль опустил руки. И уставился на юношу.

Тот икнул и попытался отползти. Пальцы в кармане всё ещё сжимали бусы.

Наль бросился на него.

Декрес

Год 724 от основания Золлена,
или 2190 по имперскому летоисчислению.

Солнце застыло в высшей точке небосвода, и раскалённое безмолвие сковало Кастеллиум. Окружённая тополями площадь Печати сияла беспощадным светом, а над ней во всём своём великолепии возвышалась белоснежная Цитадель Очищения. Ветер словно устал от царящего здесь зноя и лёг прикорнуть где-то в ближайшем саду.

Высокий худощавый человек в длинном сером плаще будто не замечал жары. Светло-голубая кайма выдавала в нём дознавателя Инквизиции высокого ранга, а глубокий капюшон укрывал лицо от палящих лучей. Мужчина неспешно направлялся к широкой тенистой арке в дальнем конце площади. При его приближении часовые вытянулись в струнку.

За аркой, в глубокой нише, скрывалась тяжёлая деревянная дверь. Дознаватель постучал. Спустя несколько секунд створка распахнулась, и привратник без лишних слов пропустил инквизитора внутрь.

После залитой светом знойной площади помещения Цитадели казались сумрачными и почти прохладными. Толстые каменные стены не успевали прогреться даже за долгий летний день, надёжно оберегая здешних обитателей от жары.

Дознаватель поднялся по широкой лестнице, на каждой ступени которой была выведена строка из «Пепельного свода». Буквы выглядели так, словно их выжгли прямо на мраморе, — чёрные, будто до сих пор тлеющие. Миновав ещё несколько лестниц и переходов, мужчина оказался в длинном коридоре и остановился перед неприметной дверью. Через несколько мгновений он уже шагнул в кабинет.

В небольшой комнате пахло старой бумагой. Косые солнечные лучи проникали через широкое окно, пронизывая пыльный сумрак. Тяжёлый дубовый стол был завален письмами, а стеллажи вдоль стен наполовину опустели — молодой инквизитор в плаще с тёмно-синей окантовкой старательно перекладывал их содержимое в дорожный сундук посреди комнаты.

Вошедший едва заметно вздохнул, задержав взгляд на мерцающей стеклянной капле — её пока не успели убрать. Молодой инквизитор наконец услышал скрип двери и обернулся.

— Добрый день, магистр, — улыбнулся он. — Поздравляю с назначением.

Магистр кивнул и скинул капюшон, открыв худощавое лицо человека лет шестидесяти. Редкие седеющие волосы слиплись от пота, а острая бородка ещё сильнее подчёркивала впалые щёки.

— Поздравлять будете, когда я оттуда вернусь, Ренко, — устало отозвался он и опустился на стул.

Младший инквизитор снял с полки прозрачную каплю и принялся бережно заворачивать её в войлок. Магистр на несколько секунд прикрыл глаза — ослепительная белизна площади оставила перед ними цветные пятна. Когда они наконец исчезли, он окинул взглядом кипу писем на столе.

Привычным движением магистр поправил маленькую бронзовую печать, выровняв её строго по краю столешницы. На печати были изображены кипарисовая ветвь и пылающий меч.

Сбоку послышалось шуршание — младший дознаватель продолжал укладывать его вещи.

— Руководить регионом — большая честь, магистр, — снова заговорил Ренко. — А уж таким неспокойным, как Бирейн… — Он покачал головой.

— Вот только я раньше никем не руководил, — нахмурился магистр.

Он выудил из бумаг листок с ярко-красной печатью и развернул, в очередной раз перечитывая знакомые строки:

«…единодушным решением Коллегии Пылающего меча назначить магистра-дознавателя Куго Декреса главным дознавателем Бирейна…»

Декрес ещё сильнее сдвинул брови к переносице и откинул документ на другой край стола. Ренко на мгновение замер и внимательно присмотрелся к нему.

— Похоже, вы не в восторге.

Магистр некоторое время молчал, а затем признался:

— Бирейн уж очень далеко. Не могу отделаться от мысли, что меня просто отсылают куда подальше. А ещё… — он грустно улыбнулся, — я буду скучать по Тисандрии. По солнцу и виноградникам…

Младший дознаватель понимающе закивал:

— Да уж, я слышал, какая там холодина. — Он картинно поёжился. — В ноябре уже снег может лежать.

— И это только меньшая из бед… — выдохнул Декрес, переводя взгляд на стопку документов.

На всех стояла одна и та же отметка — стилизованное изображение речной крачки. Так ещё с имперских времён обозначали Бирейн. Магистр пробежался глазами по строчкам верхнего листа.

«…на третий день у мельника вытянулась нижняя челюсть…»

— Да, если верить слухам, Речной край с каждым годом всё хуже контролируется, — снова подал голос Ренко, укладывая стопку книг в сундук.

— Скверна там нередко исчезает по реке быстрее, чем мы успеваем получить донесение.

Декрес отложил послание и взял следующее.

«…двое накинулись на односельчан и принялись их рвать зубами…»

— Так тамошний Капитул слаб, — младший инквизитор уже разбирал другой стеллаж. — Если даже в самом Жаннске бардак творится, что уж про остальной регион говорить? —

Он пренебрежительно фыркнул.

Декрес тем временем развернул ещё одно донесение.

«…лоза вцепилась в руку батрака и не отпускала, пока её не срубили…»

— Как вы думаете, почему должность главного дознавателя там несколько лет пустовала?

— Коллегия всё никак не могла найти крайнего, чтобы назначить, — невесело пошутил Декрес и ещё раз перечитал послание.

Лоза?..

Задумчиво хмыкнув, он взялся за следующий документ.

— Идеальная среда, чтобы контрабандистам скверны скрываться от Очищения, — буркнул тем временем Ренко, сгребая содержимое полки в коробку.

«…свидетели называют произошедшее оборотничьей напастью…»

Магистр перебрал ещё несколько донесений — тех немногих, что сумели добраться до Кастеллиума. Почти в каждом упоминалось оборотничество.

Декрес задумчиво потёр лоб.

Оборотничество так не развивалось.

Обычно.

Он вернулся к предыдущим листам. Вытянувшаяся челюсть. Люди, бросившиеся на односельчан…

Слишком разные случаи, чтобы списать их на одну причину.

— Вот, кажется, и всё! — произнёс Ренко и окинул взглядом опустевшие полки и забитые сундуки. — Я пришлю носильщика за вашими вещами.

Он тепло улыбнулся:

— Лёгкой дороги вам, магистр. И успешной службы.

Через несколько мгновений дверь за ним захлопнулась, оставив Декреса одного посреди опустевшего кабинета.

Магистр скользнул грустным взглядом по стеллажам и вздохнул. Привычный кабинет совсем скоро поменяет хозяина…

Позволив себе секундную слабость, Декрес тряхнул головой, заставляя себя сосредоточиться.

Назначение состоялось три дня назад. И всё это время где-то в глубине сознания билась навязчивая мысль, которой он никак не мог придать форму.

Магистр принялся аккуратно раскладывать донесения по стопкам, пытаясь сгруппировать их хоть по какому-нибудь общему признаку.

За окном постепенно темнело. Солнечный свет угас, кабинет наполнился густыми сумерками, и Декресу пришлось зажечь свечу.

В конце концов посреди стола осталось лежать единственное донесение. Подходящей стопки для него так и не нашлось.

Лоза, вцепившаяся в батрака…

И вдруг мысль, которую он безуспешно ловил последние

три дня, наконец обрела форму.

Декрес замер.

Подхватив подсвечник, он поспешил прочь из кабинета. Миновал пустой тёмный коридор и переступил порог канцелярии — там, на высоких, до самого потолка, стеллажах хранились краткие сводки дел за последние несколько десятилетий.

Несколько минут магистр водил пальцами по толстым корешкам. В тусклом свете свечи названия расплывались перед уставшими глазами.

Наконец он вытащил с полки толстую пыльную папку. Подборка старых, давно закрытых дел, тщательно разбитая по годам и регионам. Никаких подробностей — только ключевые факты.

Декрес принялся торопливо перелистывать страницы, пока не нашёл нужную.

Вот оно. Дело двадцатипятилетней давности. И тоже из тех краёв. Ожившие лозы. Чудовищные деревья.

Сам Декрес в том расследовании не участвовал, до него дошли лишь смутные слухи. Дело закрыли. И, насколько он помнил, весьма поспешно. Осталось спуститься к архивистам и запросить доступ.

На следующий день сухонький и бледный смотритель архива встретил Декреса возле узкой лестницы, ведущей в недра Цитадели. Весь вид этого хлипкого человечка говорил о том, что жизнь он проводит в подземельях, вдали от солнеч-

ного света, корпея над бесконечными свитками и фолиантами.

Печать магистра-дознавателя открывала Декресу доступ к большинству архивных документов, но самостоятельно найти нужное хранилище, а уж тем более нужную полку, не представлялось возможным. Архивариус вёл его по тесным туннелям, где за пределами узкого пятна света от фонаря царила кромешная тьма.

И тишина.

Каждый раз, спускаясь сюда, Декрес задумывался, какое несметное количество тайн похоронено в архивах Инквизиции. Сколько учений заставили замолчать служители Официума. Казалось, вся эта масса знаний, навсегда стёртых из людской памяти, лежит здесь, погребённая под тяжестью темноты.

И множество людей, умолкнувших навеки, тоже лежат здесь. Они молчат.

Декрес покачал головой, прогоняя наваждение. Интересно, как архивариусы не сходят с ума, работая здесь изо дня в день?

Тем временем проводник остановился у двери, приметной, казалось, лишь ему одному. После нескольких мгновений возни с замком он открыл её и жестом пригласил дознавателя войти.

Поставив фонарь на узкий деревянный стол, архивариус ненадолго скрылся среди рядов стеллажей, а затем вернулся

с толстой папкой, перетянутой чёрной лентой с восковой печатью.

— В-вот, магистр… Желаете изучать т-т-тут или заберёте к себе? Тогда нужно будет оформить…

Голос Бихоса был таким же сухим и блеклым, как он сам. Декрес взял из его дрожащих рук папку. На обложке стояла выцветшая пометка: «Дело закрыто».

— Благодарю, брат Бихос. Я почитаю тут.

Архивариус удалился, оставив дознавателю колокольчик, чтобы тот позвал его звоном, когда соберётся обратно.

На свет.

Декрес не спеша листал пожелтевшие страницы. На первый взгляд всё выглядело обычно: многочисленные доносы, показания потерпевших, описания материальных улик. Разбирательство. Приговор. Исполнение приговора.

Стандартный, логичный процесс, каких он перевидал сотни, если не тысячи.

И всё же что-то настораживало.

Слишком уж гладко.

Он вернулся к началу и принялся читать внимательнее.

Знатная семья, состоявшая в родстве с самим князем Варенским. Поколениями изучали и практиковали биомантию. Выращивали дурманящие цветы и хищные лозы. Продавали тем, кто мог заплатить.

И при этом дело закрыли всего через пять дней после начала разбирательства. Слишком быстро.

Даже при очевидных признаках скверны Инквизиция не работала так поспешно. Истина должна быть доказана — иначе её слишком легко перепутать с чьей-то выгодой.

И почему раньше на эту семью никто не обращал внимания?

Словно кто-то хотел не расследовать дело, а поскорее поставить на нём печать.

Декрес задумчиво почесал подбородок. Подобные расследования обычно тянулись месяцами, если не годами. Инквизиторы разных специализаций тщательно изучали улики, записывали свидетельства, при необходимости проводили эксперименты. Всё это время подозреваемых держали под стражей.

А детей почти никогда не преследовали. Обычно потомков изолировали, допрашивали, отправляли в монастыри или под надзор доверенных лиц. Уничтожить род целиком — мера крайняя.

Здесь же приговор вынесли стремительно. И он оказался крайне жестоким.

К подобным мерам прибегают либо в случае несомненной угрозы…

либо когда нужно, чтобы больше никто не задавал вопросов.

Декрес перелистал папку до конца. На последней странице стояли печать и подпись Тавора Ригреса — одного из членов Коллегии Пылающего Меча.

Магистр нахмурился.

Ригрес умер около двадцати лет назад и уже ничего не сможет прояснить. К тому же члены Коллегии редко занимались провинциальными делами лично.

Значит, либо расследование имело чрезвычайную важность…

либо кому-то понадобилось представить его таковым.

Декрес уже собирался закрыть папку, когда взгляд зацепился за прежде незамеченную деталь: из-под последнего листа выглядывали тонкие, едва заметные корешки страниц.

Он присмотрелся.

Так и есть. Нескольких листов не хватало. Аккуратно вырваны. Даже не вырваны — скорее, извлечены. Тот, кто это сделал, точно знал, какие именно страницы ему нужны.

В архивах Инквизиции документы не теряются случайно. А значит, стоило выяснить, кто и зачем извлёк эти страницы.

Декрес потянулся к колокольчику.

Бихос появился почти сразу.

— Брат Бихос, в этой папке точно все материалы? — спросил магистр. — Здесь не хватает нескольких страниц.

Архивариус уставился на него слезящимися глазами.

— Д-д-дознаватель… — протянул он. — Сюда имеют д-д-доступ т-т-только члены Коллегии хранителей. Я п-п-проверил з-з-записи, когда вы з-з-запросили это д-д-дело. Д-д-двадцать лет н-н-никто им н-н-не интересовался.

Декрес на мгновение задумался.

— То есть двадцать лет назад кто-то всё-таки его изучал? — тихо уточнил он. — Можете сказать, кто?

— Р-р-ремо Варден… д-д-дознаватель.

Ещё интереснее.

Ремо Варден — бывший главный дознаватель Бирейна, закончивший свои дни несколько лет назад. С тех пор должность главного дознавателя Речного края оставалась вакантной.

Пока туда не назначили Декреса. Куго медленно захлопнул папку.

— Спасибо, брат Бихос. Пойдёмте отсюда. И всё-таки оформите необходимые бумаги. Я заберу это дело с собой.

Дело четвертьвековой давности.

И всё же оно выглядело так, словно кто-то до сих пор старательно следил за тем, чтобы его не читали.

Два дня спустя магистр-дознаватель уже стоял на причале, задумчиво наблюдая за погрузкой. Солнце рассыпало по речной глади ослепительные блики. Здесь, у воды, зной превращался в мучительную духоту. Лишь изредка со стороны моря налетал ветерок, но и его не хватало, чтобы разогнать жару.

Громкий окрик капитана вырвал магистра из раздумий. Погрузка закончилась — пора было отправляться в путь. Декрес тихо вздохнул, бросил последний взгляд на белые шпили Кастеллиума, тонущие в жарком мареве, и поднялся на борт.

…Путь вверх по Сереглави до Жаннска занял почти два месяца. На судне не оказалось аэромантов, способных гнать его против течения могучей реки, и лишь на небольшом участке их сопровождал жрец Семикрылой, наполняя ветром паруса.

Пейзажи за бортом неспешно сменяли друг друга. Заливные луга и заросшие тростником болота нижней Сереглави постепенно уступили место сухим степям, где зелень держалась лишь вдоль берегов. Дальше потянулись лесостепи и плодородные земли Велдрана.

С каждым днём становилось холоднее. Осень всё увереннее вступала в свои права, дожди моросили чаще. Наконец корабль достиг Речного края.

Вдоль берегов теперь тянулись густые леса, перемежаемые полями и садами. К тому времени уже наступил октябрь, и пейзажи радовали глаз буйством осенних красок. Справа и слева в Сереглавь впадали всё новые реки, и почти у каждого слияния стоял город.

На одном из них, там, где воды Бирюсы соединялись с Сереглавью, и раскинулся Жаннск — конечная цель путешествия. Здесь, в столице Варенсии, располагался Капитул Инквизиции Бирейна.

Декрес стоял на палубе и смотрел, как из туманной дымки один за другим проступают портовые краны, массивные здания из тёмного камня, ровные улицы — и высокая башня, возвышающаяся над городом в отдалении.

На ней взгляд магистра задержался.

Двадцать пять лет назад здесь уже пытались что-то похоронить.

Иантис

В старом университетском коридоре стояла особая тишина — та, что приходит после окончания занятий. Стены, обшитые тёмно-коричневым деревом и увешанные стендами с научными работами, создавали странное ощущение — одновременно уюта и скрытой, почти осязаемой значимости происходящего здесь. В воздухе витал запах формалина, сухого гербария и едких реактивов.

Длинный коридор тянулся через весь этаж. Окна были лишь на небольших площадках в его концах, да и те завешены тяжёлыми шторами. За стенами университета разразилась первая в сезоне гроза, и сумерки наступили раньше времени. Внутри царил полумрак.

Одна из дверей тихо скрипнула, выпустив в коридор тёплый луч света. Следом из лаборатории выскочил худощавый взъерошенный юноша и поспешно прикрыл створку за собой. На мгновение он замер, оглядываясь по сторонам. В его взгляде торжество смешивалось с тревогой, а на бледной коже выступили мелкие капли пота.

Затем он резко развернулся и быстрым шагом направился к выходу. Добравшись до площадки с окнами, юноша, не сбавляя темпа, свернул на лестницу и исчез из виду.

Из оставленной позади лаборатории донёсся низкий вибрирующий гул. Едва различимый, он скорее ощущался те-

лом, чем звучал. Из-под двери медленно пополз тёмный дым — густой и совершенно лишённый запаха.

Парень стремительно сбежал по лестнице, перескакивая через ступени, и оказался этажом ниже.

Здесь всё выглядело иначе. Под потолком ярко горели магические светильники, стены были обшиты светлой вагонкой. После сумрака верхнего этажа свет резанул по глазам. Не переводя дыхания, юноша подскочил к одной из дверей и застучал:

— Профессор! Профессор Льен! Я могу войти? Пожалуйста, откройте!

— Да кто там… — Дверь приоткрылась, и в проёме показался пожилой человек в синем камзоле. Светлые волосы были стянуты в хвост, заметно тронутый сединой. — Иантис? Ты чего шум поднимаешь? Открыто же. Заходи, только прекрати стучать.

Профессор отступил вглубь кабинета, и Иантис быстро проскользнул внутрь.

Лаборатория была выложена светлой плиткой, отражавшей холодное сияние магических ламп. В воздухе висел едкий, щекочущий горло запах. В центре стоял массивный металлический стол, заставленный приборами, а вдоль дальней стены тянулись стеллажи со склянками, наполненными разноцветными жидкостями и порошками.

— Ну? Что случилось? — Профессор Льен склонился над прибором — длинной тонкой трубкой с нанесёнными деле-

ниями.

Иантис прошёл к столу и тяжело опустился на стул напротив.

— Профессор, я доказал свою теорию! Экспериментально! Формула работает! — Он судорожно вдохнул. — Оно в колбе, в пятой лаборатории. Пойдёмте, я покажу.

Льен лишь слегка повернул голову:

— Рад, что появились подтверждения. Но сейчас я занят.

— Профессор, вы не понимаете, — быстро проговорил Иантис. — Это не подтверждения. Я его синтезировал.

— Кого? — сухо уточнил Льен.

— Умбраин.

Профессор наконец поднял взгляд.

— Ты шутишь.

Иантис торжествующе улыбнулся:

— Нет.

Льен отложил инструмент, не сводя глаз с ученика.

— Иантис… Мы столько лет пишем о теоретической возможности существования этой субстанции. Она должна возникать на границе реальности и магии.

— Именно, — тут же подхватил студент. — И граница оказалась куда тоньше, чем мы думали.

Профессор прищурился, слегка подавшись вперёд:

— Ты использовал симуляционный контур?

— Нет.

— Планарный катализатор?

— Нет. — Юноша мотнул головой.

Льен выпрямился. Глаза учёного распахнулись шире.

—Тогда как?

Иантис на мгновение замолчал.

— Я убрал стабилизирующее поле, — выдохнул он и уставился на профессора.

Пауза повисла в воздухе.

Льен смотрел на ученика так, словно тот только что признался в тяжком преступлении.

— Ты… что сделал?

— Я подумал… — уже тише произнёс Иантис. — Если мы всё время пытаемся удержать субстанцию в рамках моделей… может, именно поэтому она не возникает…

Он не договорил.

Здание вздрогнуло.

Глухая вибрация прошла по стенам и отозвалась в полу. Оба одновременно повернулись к двери.

Из-под неё выползли тонкие струйки тёмного дыма. Потянулись вверх, к светильникам, и обвились вокруг них кольцами, словно змеи.

— Убрал стабилизирующее поле… — эхом повторил Льен, не отрывая остекленевшего взгляда от ползущей темноты…

Впервые профессор Льен сказал ему, что умбраин может никогда не выйти за пределы формул, два года назад.

Иантис тогда стоял в главной аудитории университета. Ря-

дом, на столе, лежала стопка исписанных листов, куда он время от времени подглядывал. Зал был заполнен исследователями. Профессор Льен сидел позади членов учёной коллегии и ободряюще смотрел на подопечного.

Юноша чертил формулы, плавно перетекающие одна в другую. Рисовал сложные, запутанные схемы с множеством стрелок. Рассказывал о своей теории.

Зал слушал молча.

Иантис вывел на доске последний знак и отступил. Умбраиновая формула заняла почти всю поверхность.

Он ожидал вопросов. Аудитория молчала.

Лишь с задних рядов доносился шёпот. Наконец, спустя несколько бесконечно долгих мгновений, профессор Малисия подала голос:

— Правильно ли я понимаю, господин Белтрок, что всё это время вы излагали нам… свои теневые конструкции?

Иантис моргнул.

— Профессор Малисия, именно так. Я вывел формулу, объясняющую природу Тени.

Где-то в глубине зала едва слышно прозвучал смешок.

Или это просто свист сквозняка?..

— Что же, юноша, весьма… любопытные идеи, — заговорил старый профессор Сайнек. — Вы, полагаю, немало времени посвятили этому исследованию?

Иантис почувствовал, как лицо заливает жаром.

Любопытные идеи?!

— Вычисления заняли полных три года, профессор, — ровным тоном отозвался он.

— Надо отдать должное вашему упорству, Белтрок, — продолжил Сайнек после короткой паузы. — Вот вы говорите про… как его? — Старик пощёлкал пальцами в воздухе. — Умбраин. Скажите прямо: вы получили его?

Иантис покачал головой:

— Увы. Пока что это исключительно теоретическая субстанция. — Он положил мелок на стол и отряхнул руки. — Мы ещё не нашли способ её синтезировать.

Сайнек чуть приподнял брови.

— Есть независимые подтверждения вашей теории? — спросил он с лёгкой улыбкой.

На лицах нескольких слушателей появились ухмылки. Иантис нахмурился и потряс в воздухе исписанным листком:

— Расчёты, профессор. Они выверены…

— Расчёты не имеют практической пользы! — оборвал его Сайнек и уже тише добавил: — Если их принципиально невозможно подтвердить на практике.

В горле у юноши пересохло. Он открыл рот, собираясь возразить, но слово снова взяла Малисия:

— Ваша работа интересна, господин Белтрок. Но вы пытаетесь превратить математическую необходимость внутри собственной модели в доказательство существования объекта.

По аудитории прокатился одобрительный гул. Иантис

опёрся дрожащими пальцами о столешницу.

На помощь пришёл Льен.

— Уважаемые коллеги, прошу отнестись с уважением к стараниям моего студента. — Профессор поднялся со своего места и окинул взглядом ряды кресел. — Он очень ответственно подошёл к работе и расчётам. Пусть сейчас мы и не можем проверить его теорию экспериментально, но вы должны признать: на бумаге она выполнена безупречно.

Льен приподнял подбородок и с вызовом посмотрел на Сайнека. Тот отвёл глаза.

По залу снова пополз шёпот. Иантис сильнее навалился на стол, пытаясь удержать равновесие. В висках стучало. Он резко втянул воздух носом.

Малисия сдвинула брови и строго посмотрела на студента.

— Господин Белтрок, мы отдаём должное вашим стараниям. Вы определённо подаёте надежды. Но вам стоит сосредоточиться на более… применимых областях.

Она особенно выделила слово «применимых», и по залу вновь прошёл одобрительный шёпот.

— И, прошу вас, оставьте свой умбраин, — продолжила профессор уже строже. — Даже в теории это выглядит… небезопасно. — Она поджала губы и покачала головой. — Подобные идеи привлекают внимание Капитула. Вы это понимаете?

Малисия смотрела прямо на Иантиса. Её правое веко едва заметно дёрнулось. Зал заливал яркий свет, не оставляя ни

клочка полумрака. Почему же её зрачки почти полностью поглотили радужку?..

Юноша обвёл взглядом остальных присутствующих. У многих он увидел то же самое. Кто-то качал головой. Кто-то поджал губы. Некоторые и вовсе старались не встречаться с ним взглядом.

Иантис застыл.

Капитул.

Они… боятся?

Мысль пришла внезапно и сразу показалась очевидной.

Значит, понимают, что он прав.

А если понимают, что он прав, значит, отвергают его из страха.

Иантис оттолкнулся от столешницы и медленно выпрямился. Дрожь в пальцах почти прошла.

Он снова посмотрел на Малисию.

— Понимаю, профессор, — с расстановкой проговорил он.

Малисия кивнула. Следом за ней — остальные члены коллегии.

Тем же вечером Иантис сидел в лаборатории, обхватив голову ладонями и глядя в тёмное оконное стекло.

Лаборатория теневых алхимических процессов была погружена в полумрак. Лишь тонкие грибы из глубоких пещер тускло светились в кадках да крошечные жучки из подземных озёр мерцали в аквариуме. За окном ветер раскачивал

деревья, и тени ветвей плясали на университетских стенах.

Иантис наблюдал за их танцем.

Тени завораживали его с детства. Он часами мог смотреть, как ветер колышет листву на деревьях. Только привлекали его не листья, а трепещущие тени на мостовой. Их танец казался чем-то, принадлежащим иному миру.

В детстве Иантис представлял их настоящими живыми существами, подчиняющимися собственным, непостижимым законам. Иногда ему и вовсе казалось, что не листья отбрасывают тени — а тени отбрасывают листья.

И всё остальное в этом мире тоже.

Включая людей.

Где-то там, в ином измерении, существуют истинные объекты. И это они отбрасывают в наш мир всё, что мы видим.

Тихо скрипнула дверь, и в лабораторию вошёл Льен. Профессор приблизился к студенту, вздохнул и похлопал его по плечу.

— Как просто тебя найти, — тепло улыбнулся наставник, опускаясь на соседний стул. — Ты ещё пять лет назад был мальчишкой, готовым провести всё лето в лаборатории. Я тогда уже понял, что тебя отсюда не выгонишь.

Иантис не ответил.

В памяти всплыл цветущий сквер университетского кампуса. Он сидел на скамейке и смотрел на шмеля, жужжащего над ближайшей клумбой, с тоской думая о предстоящих каникулах. Именно там его и нашёл Осмар Льен — и пред-

ложил поработать вместе с ним в лаборатории теневых процессов.

Такие процессы протекали только в темноте. Льен утверждал, что свет разрушает ключевые структуры и делает реакции невозможными. Иантис же считал иначе: темнота и есть первооснова всего, а на свету процессы не идут именно из-за отсутствия Тени.

Профессор лишь посмеивался над его идеями.

Но вместе они написали уже не один трактат о теневых процессах.

Только Иантиса давно не интересовали светящиеся жучки. Его волновала сама сущность темноты. Он хотел создать единую теорию Тени — такую, которая объяснит всё.

Итогом долгих изысканий и бесчисленных расчётов и стала «умбраиновая формула».

В её основе лежал умбраин — теоретическая субстанция, первородная тень.

Не листья отбрасывают тени.

А умбраин отбрасывает листья.

От мыслей его отвлёк тихий шорох. Льен откинулся на спинку стула и задумчиво посмотрел на мерцающие шляпки грибов.

— Они правы в одном, Иантис: теория без эксперимента остаётся теорией, — тихо проговорил профессор. — Но это не значит, что надо доказывать её любой ценой.

С этими словами он поднялся, подошёл к стеллажу и до-

стал пухлую тетрадь с расчётами.

— В конце концов, есть ещё много неизученного. Не обязательно лезть в темноту. — Льен протянул тетрадь студенту.

Иантис принял её и всмотрелся в надпись на обложке.

«Механизмы самопроизвольного свечения в условиях полного отсутствия света».

— Вот здесь точно есть практический смысл, — улыбнулся Льен.

Иантис промолчал.

Свечение в темноте.

Важно. Доказано. Применимо.

Скучно.

Вот чего от него хотят.

Он докажет существование умбраина.

Теоретические расчёты продолжились. А через год Иантис перешёл к экспериментам, пытаясь засечь неуловимую субстанцию.

На бумаге всё было идеально. В реальности — нет.

Датчик лишь слегка вздрагивал, стоило загудеть стабилизирующему полю. После десятой неудачной попытки Иантис включил само поле в расчёты.

И только тогда понял. Мешало именно оно. Он пересчитал всё ещё раз. Потом ещё. Повторил эксперименты с полем. Результат не изменился.

Вот оно.

В тот вечер Иантис долго смотрел на управляющий кристалл. Всего несколько секунд.

Он попробует вынуть его всего на несколько секунд…

— Стабилизирующее поле… — снова повторил Льен.

Иантис не ответил. Широко распахнув глаза, он смотрел наверх.

— Профессор… — тихо проговорил он и кивнул на потолок. — Посмотрите.

Усики живой темноты обвились вокруг светильников. Лампы начали тускнеть.

— Он реагирует на свет… — прошептал Иантис. — Вы понимаете?

В его глазах вспыхнуло почти болезненное восхищение.

— Оно работает… оно правда работает…

Льен резко схватил его за плечо и развернул к себе.

— Я понимаю только одно, — прошипел наставник, глядя подопечному прямо в глаза. — Ты такого натворил, что нас в лучшем случае просто закроют!

Тонкие усики тьмы уже тянулись к ним.

Университет стремительно погружался во мрак.

Клубы чёрного дыма стекали по лестницам плотными шлейфами, расползались по полу, делились на потоки и тянулись к дверям. Тонкие струйки обвивались вокруг источников света — и те один за другим гасли. Когда пол затянуло сплошной чёрной пеленой, дым начал вспучиваться, расти, поднимаясь всё выше.

Тьма уже добралась до верхнего этажа. Через несколько минут дверь лаборатории Иантиса сорвало с петель. Раздался грохот, и наружу повалил дым — такой густой, словно внутри бушевал пожар.

На шум из комнаты в противоположном конце коридора выглянул человек. Он вгляделся в полумрак и, ничего не разобрав, осторожно двинулся к выбитой двери.

Не успел учёный пройти и десятка шагов, как вокруг сомкнулась кромешная темнота.

Он остановился и обернулся. Позади тоже был лишь мрак.

Мужчина сглотнул, вытянул руки, нащупал стену и попытался сделать ещё шаг. Но ноги словно увязли в вязкой массе, похожей на студень. Холод мгновенно вцепился в ступни и пополз вверх.

Учёный судорожно вдохнул и рванулся вперёд.

Ноги не послушались. Он рухнул.

Густая субстанция сомкнулась вокруг тела и потекла к лицу. Перед глазами вспыхнули белые точки. Последним ощущением стал ледяной холод — а затем исчез и он.

Иантис тем временем заворожённо наблюдал за тонким усиком тьмы. Тот тянулся к нему, извиваясь, будто реагируя на малейшие движения воздуха.

Профессор Льен что-то кричал ему в самое ухо. Иантис не слышал.

Темнота ведёт себя как живая.

Значит, формула верна.

Он медленно протянул руку. Усик качнулся навстречу, почти коснулся пальцев и начал свиваться в спираль, окутывая ладонь.

И тут на Иантиса обрушилась оплеуха.

— Во имя рассудка, очнись!

Парень дёрнулся и наконец обернулся. Льен угрожающе занёс над ним дымящуюся колбу. Жижа плескалась у самого горлышка, грозя выплеснуться на студента, если тот снова впадёт в оцепенение.

— Да что с тобой такое?! — прокричал профессор.

Иантис отдёрнул руку и тряхнул головой. Усик тьмы резко дёрнулся следом.

Льен уставился на тёмные ручейки, льющиеся через дверную щель. Его взгляд заметался по лаборатории и остановился на одном из стеллажей.

— Скорее! Я знаю, что может помочь!

Профессор метнулся к шкафу, распахнул створки и принялся судорожно перебирать банки. Наконец дрожащими руками выхватил одну.

— Не зря я на это разорился… Горит ярче всего.

Он высыпал в ладонь пригоршню порошка, швырнул её в клубящуюся тьму и пробормотал формулу. Частицы вспыхнули ослепительно-белым светом.

Усики отпрянули, словно обожжённые. Через мгновение снова потянулись к сияющим пылинкам, попытались обвиться вокруг них — и вновь отдёрнулись, заметно истаяв.

— Работает! Ненадолго, но задержит. Быстрее, бежим!

Льен дёрнул за рукав ошеломлённого Иантиса и подбежал к двери. Распахнув её, он снова бросил порошок вперёд.

Коридор заливала сплошная чернильная тьма. Вспышка на несколько мгновений высветила стены и пол, прорубив в густой завесе узкий проход.

— Вы хотите вернуться туда?

Иантис стоял за его плечом, недоумённо косясь на банку. Льен сердито зыркнул на подопечного.

— Куда же ещё? Ошибку твою исправлять!

Он указал в сторону лестницы.

— Быстро в твою лабораторию! Порошка должно хватить, если не будем медлить. А там включишь стабилизирующее поле.

Иантис замер.

— Но, профессор, тогда умбраин… — Он растерянно развёл руками.

— Никаких «но», придурок! — заорал наставник. — Включишь — и всё, ясно тебе?!

Схватив Иантиса за плечо, он вытолкал его в коридор.

— Я делаю нам проход, а ты не отстаёшь. Понятно?

Дальнейший путь превратился в сплошную перебежку от одного освещённого пятачка к другому. Льен бросал перед собой пригоршню порошка, вспыхивал белый свет — и они успевали пробежать ещё несколько шагов, прежде чем тьма снова смыкалась позади.

В одном из коридоров профессор споткнулся о лежащее на полу тело и едва удержался на ногах.

— Морок тебя сожри! — выругался он.

Льен на несколько мгновений прижал два пальца к шее упавшего, после чего облегчённо выдохнул и поспешил дальше.

В лаборатории Иантиса тьма стала почти осязаемой. Воздух казался густым, как желе, кожу обдавало холодом. На широком лабораторном верстаке, внутри полуоткрытой металлической сферы, словно зияла дыра в пространстве.

Густая чернильная темнота, сконцентрированная в точке размером с ладонь. Она пульсировала. И с каждым толчком выбрасывала в пространство новые клубы дыма.

Вокруг сферы валялись потускневшие кристаллы. Льен остановился перед столом.

— А теперь, Иантис, или ты сейчас же заставишь стабилизаторы работать… — Он тяжело перевёл дух. — Или я боюсь представить, что с нами будет.

Иантис с болезненной тоской посмотрел на сферу. Потом — на профессора.

— Профессор, я…

В голосе прозвучало отчаяние.

— Сейчас же!

В ушах у студента зазвенело. Льен охрип от крика.

Иантис поморщился, на секунду прикрыл глаза и повернулся к сфере. Шепча правильную последовательность, он

один за другим возвращал кристаллы в пазы.

Профессор нервно сглотнул. Желудок скрутило спазмом. Он неотрывно следил за руками подопечного.

Матерь Рек, почему так долго?!

— Готово… — прошелестел Иантис.

Кристаллы один за другим налились сиянием.

Свечение окутало сферу. То, что ещё мгновение назад казалось дырой в пространстве, задрожало и начало выцветать. Чернота бледнела, становилась прозрачнее — пока наконец не рассеялась.

Клубы дыма стали тускнеть и опадать. Один за другим зажигались светильники.

Льен в изнеможении опустился на стул. Лоб блестел от пота, руки дрожали. Баночка с порошком почти опустела.

— Что ж… мы хотя бы будем жить. А с остальными проблемами разберёмся потом.

Иантис молчал. Он смотрел в пол, сжав кулаки.

Умбраин существует.

Дуб

Жаннск встретил магистра сырой прохладой и затяжной моросью. Массивные здания из серого камня под тёмными черепичными крышами резко контрастировали со светлой, устремлённой вверх архитектурой Кастеллиума.

В речном порту Декреса уже ждал рослый широкоплечий дознаватель в плаще с тёмно-синей окантовкой. Представившись Брависом, мужчина подхватил поклажу магистра и проводил его к ожидающей повозке.

Извозчик повёз их по широким улицам, усыпанным палой листвой. Фонарщики уже начали зажигать огни, и желтоватый свет отражался от мокрых стен. Хмурые пешеходы, закутавшись в плащи, спешили по своим делам, не обращая внимания на новоприбывшего инквизитора.

— Как обстоят дела в Капитуле, брат Бравис? — поинтересовался Декрес.

Рослый дознаватель откинул со лба прилипшие русые пряди:

— Ваше назначение оказалось для нас неожиданностью, магистр. — Бравис с любопытством рассматривал нового начальника. — Мы думали, главным дознавателем назначат кого-нибудь из местных.

Бирийский язык звучал мягко и текуче по сравнению с резковатым тисандрийским. Декрес слегка изогнул бровь:

— Кто мог быть достойным кандидатом?

Бравис неопределённо пожал плечами:

— Если честно, после смерти Вардена у нас не осталось достаточно опытных дознавателей. Мы тут почти все молодые. Если только… — Парень почесал мокрый затылок. — Далер мог бы подойти, но он давно ушёл на покой…

Декрес хмыкнул. Интересно, куда подевались все опытные дознаватели жаннского Капитула?

Далер. Имя стоило запомнить.

Додумать мысль магистр не успел. Стены домов расступились, открывая вымощенную гладким булыжником площадь Очищения. Скрипнули тормоза, и повозка остановилась.

Посреди площади стоял замкнутый комплекс построек из тёмного камня. Над ним высилась башня, верхушка которой терялась в низких облаках. Именно её Декрес видел с борта.

Бравис кинул монетку извозчику, и тот покатил дальше. Магистр поднял ворот, прячась от мороси, и последовал за провожатым к тяжёлым дверям, укреплённым металлическими полосами.

Хмурый привратник скользнул взглядом по лицу Брависа, а затем задержался на светло-голубой окантовке плаща Декреса. На мгновение его глаза расширились. Он поспешно шагнул в сторону, освобождая дорогу.

В лицо магистру пахнуло теплом — особенно приятным после промозглой сырости снаружи. Фонари на стенах почти не разгоняли сумрак обширного вестибюля, лишь выхваты-

вая из него отдельные пятна света.

Бравис провёл гостя сначала по массивной лестнице, затем через короткий коридор — в просторную комнату с камином.

Декрес цепким взглядом тёмных глаз окинул помещение.

Рядом с очагом на вешалке сушились мокрые плащи. Посреди комнаты стоял заваленный бумагами стол, над которым склонилась слегка полноватая женщина. Фиолетовая окантовка её плаща выдавала ранг дознавателя.

Услышав скрип двери, женщина выпрямилась и повернулась к вошедшим. На вид ей было около тридцати пяти. Светло-русые волосы были собраны в небрежный пучок, серые глаза смотрели внимательно и настороженно.

Несколько мгновений она разглядывала прибывшего тисандрийца. Затем шагнула навстречу и протянула руку.

— Добро пожаловать в Жаннск, магистр. Меня зовут Селия Брандис. Как прошло ваше путешествие?

Декрес пожал протянутую руку. Несмотря на приветствие, голос женщины звучал довольно сухо. Бравис быстро кивнул магистру и вышел, оставив их наедине.

— Благодарю, сестра Селия. — Декрес вежливо наклонил голову. — Дорога была утомительной. Но я хотел бы как можно скорее приступить к делам.

Селия улыбнулась. Вежливо. И слишком быстро, отметил про себя Декрес.

— Приятно видеть такую преданность делу. — Селия

обернулась к столу и обвела рукой кипу бумаг. — После смерти магистра Вардена я вела здесь дела. Рада наконец передать их вам.

Декрес кивнул, мысленно отметив беспорядок в документах.

— Скажите, сестра Селия, вы служили здесь с самого начала? — Он приблизился к столу и взял первую попавшуюся бумагу. — Доводилось работать вне Бирейна?

Магистр развернул листок. Столбцы цифр — похоже, финансовый отчёт.

Дознавательница отрицательно помотала головой.

— Нет. Наше отделение редко отправляет людей учиться в Кастеллиум.

Декрес отложил бумагу и внимательнее посмотрел на собеседницу. Та рассеянно перебирала документы, и на лице её застыло странное выражение.

Годы службы в местном Капитуле. Несколько лет фактического руководства. И теперь всё это перешло под начало человека, присланного из Цитадели.

Впрочем, она и в самом деле могла быть рада наконец сложить с себя чужие полномочия.

— Вы собираетесь прямо здесь засесть за бумаги, магистр? — спросила Селия с улыбкой. — Или всё-таки сначала выберете кабинет?..

В новый кабинет Декрес перебрался на следующий день.

В окно заглядывало хмурое небо, вдали виднелись крыши

домов. В углу стояла жаровня, кое-как разгонявшая сырость. Рядом с окном расположился массивный дубовый стол — почти такой же, какой магистр оставил в Кастеллиуме. А прямо напротив него возвышался шкаф с отполированными до зеркального блеска дверцами.

— Летом прямо над этим окном гнездятся стрижи, — рассказала Селия. — Надеюсь, не будут мешать вам своими криками.

Первым делом магистр велел разобрать бумаги и рассортировать их по стопкам. Почти сразу среди них обнаружилось послание с печатью в виде летящего журавля.

— Это герб дома Варенских, — пояснила Селия и ухмыльнулась. — Похоже, вам написал сам князь Ардаль Велимир.

Послание гласило:

«Выражаю искреннюю радость в связи с назначением в Жаннск главного дознавателя.»

Что ж, оставалось верить, что правитель и в самом деле этому рад.

За первый месяц Декрес успел понять две вещи: в Капитуле отчаянно не хватало людей, а Селия Брандис знала Бирейн лучше, чем все привезённые из Кастеллиума карты вместе взятые.

— Опять жалобы с угольного карьера. — Она положила на стол магистра свежее донесение. — Два года назад уже ездили разбираться. Кто-то огненных духов тогда пробудил.

Декрес пробежался глазами по строчкам:

— Это где-то на северо-востоке? Кажется, добыча ведётся в горах.

— Нет, магистр. — Селия мотнула головой. — Уголь добывают в Динграде. А в горах Эстремира — железные шахты.

Декрес отыскал на карте сначала одно место, потом другое.

— И в чём тогда была причина?

Селия глубоко вздохнула:

— Местный властин окончательно обобрал своих крестьян. Вот и явился Пепельник. От отчаяния…

— Пепельник? — переспросил магистр.

— Дух отчаяния. Тогда брат Варек в Динград выезжал…

Пока Декрес разбирался с угольным делом, моросящий за окном дождь всё чаще сменялся снегом. Вскоре Варек, как и в прошлый раз, укатил в Динград, а спустя пару недель с успехом вернулся, прихватив заодно приветствие от тамошнего правителя.

— Дайте угадаю: светлейший князь Раэдар уверяет, что в его землях нет «ничего такого»? — поморщилась Селия, глядя на конверт.

— Верно, — отозвался магистр, читая письмо. — Предлагаете не верить ему на слово?

— Он позволяет знати доводить подданных до Пепельника, — фыркнула сестра. — Уверена, в его землях ещё и не

такое творится.

В других донесениях обнаружилось нашествие болотных духов на юге Варенсии.

— С этим мы уже давно разобрались, магистр, — пояснила Селия. — Но оставили на контроле.

Погружение в дела Капитула не оставляло Декресу времени на старое дело, привезённое из Кастеллиума. Пожелтевшая папка из архивов Цитадели так и лежала в ящике стола.

А промозглая осень тем временем уступала место зиме. Декрес с тоской смотрел на подёрнутые льдом лужи за окном и думал о жарком солнце Тисандрии.

Крупные хлопья снега били в оконное стекло, налипая на него и делая день снаружи ещё мрачнее. Тепла жаровни не хватало даже на то, чтобы прогреть стены.

Декрес аккуратно раскладывал на столе письма, пришедшие с разных концов Речного края, и время от времени дышал на озябшие пальцы.

В дверь постучали. После разрешения в комнату вошла Селия с небольшим конвертом в руках.

— Магистр, простите, — быстро проговорила она. — Только что пришло сообщение от смотрителя кладбища. Он настойчиво просит нас приехать.

Декрес удивлённо поднял голову.

— Просто просит приехать? — Он отложил очередное послание на край стола. — Без объяснений?

Селия переступила с ноги на ногу, теребя конверт.

— Я не до конца поняла, но… он пишет про Дуб Времён. Лучше прочитайте сами.

Она шагнула к столу и протянула письмо.

Дуб Времён. Магистр уже успел кое-что узнать о местных обычаях. Речь шла не о рядовом кладбище. Возле старого дерева хоронили правителей, избранных магов и героев, там же проводили ритуалы памяти. Отсюда и название: Дуб Времён — живой символ прошлого.

Декрес вскрыл конверт.

Письмо было написано неровным почерком и изобиловало ошибками. Если магистр правильно понял смотрителя, Дуб то ли почернел, то ли начал гнить, а среди корней образовались какие-то провалы.

— Сестра Селия, я не понимаю, причём здесь мы? — Декрес приподнял брови и отложил письмо. — Дерево ведь старое, так? Старые деревья иногда начинают гнить сами по себе.

Он рассеянно развёл руками. И сразу же пожалел о сказанном. Селия с усилием втянула воздух.

— Магистр… — просипела она. — Дуб благословила сама Великая Мать Корней. Он не может просто взять и сгнить.

Она умолкла, выдохнула и продолжила уже чуть спокойнее:

— Тем более неделю назад он был здоров. Настолько, насколько дерево вообще может быть здоровым зимой.

К щекам сестры прилила краска. Она сверлила магистра

сердитым взглядом.

Вот как.

Морайла Плетущая Корни, бирийское божество памяти предков и клятв.

Декрес мысленно поморщился. Стоит отмахнуться от почитаемой святыни — и местные ещё долго будут видеть в нём только чужака. Даже если проблема и в самом деле заключалась в старости дерева.

Он сокрушённо покачал головой:

— Простите моё невежество, сестра Селия. Я не хотел проявить неуважение. Поедем и посмотрим, что случилось с Дубом.

Декрес поднялся из-за стола и с тоской посмотрел в окно. Метель и не думала утихать. Селия с торжествующим видом направилась к двери. Магистр тяжело вздохнул и последовал за ней.

Кладбище Времён располагалось за пределами Жаннска. Экипаж с трудом продвигался по занесённым улицам. И если в городе дороги хоть как-то расчищали, то за городской чертой снег лежал сплошной целиной. Полозья скрипели всё тише, будто белый покров поглощал звуки.

Когда инквизиторы наконец добрались до кладбища, Декрес успел ощутимо продрогнуть и теперь с трудом спускался с повозки на окоченевших ногах.

Ветер настойчиво швырял за шиворот пригоршни снега. Дознаватели пробирались между старинными мавзолеями и

склепами, утопая по колено: дорожки давно похоронило под сугробами. Через некоторое время магистр остановился перевести дух и вытер выступивший на лбу пот.

По крайней мере, согрелся.

Селия шла чуть впереди, тоже тяжело дыша. Иных посетителей на кладбище не было. По крайней мере, живых.

— Вот-вот, почти пришли! Сейчас, тут, вон он стоит, идёмте!

Смотритель — нервный тощий мужичок неопределённого возраста — шагал впереди дознавателей. К его сапогам были привязаны плетёные снегоступы, позволявшие почти без труда идти по глубокому снегу.

— Я только-только пришёл, значит, и тут такое! Вчера живёхонький стоял, кора разве что не блестела, ветки на полнеба! А утром прихожу — и вот те на, чуть сам дуба не дал!

Смотритель тараторил без умолку от самых ворот. Даже ветер ему не мешал. У Декреса уже звенело в ушах, но он всё же переспросил:

— Дуба не дал? — Магистр удивлённо покосился на мужичка. — Вы хотели его срубить?

Смотритель осёкся и уставился на него. Селия тоже остановилась. А спустя мгновение рассмеялась.

— Это местное выражение, магистр. — Она повернулась к смотрителю. — Не обращайте внимания. Идёмте дальше.

Мужичок ещё несколько секунд пялился на главного дознавателя, затем развернулся и зашагал дальше. Декрес

хмыкнул. Да, местные речевые обороты тоже придётся изучать.

— Вот, смотрите сами! Всё как я сказал! Говорил же, жуть происходит! Но сам я туда не пойду, нет-нет!

Смотритель остановился и ткнул пальцем вперёд. Декрес сморгнул слёзы, навернувшиеся от ветра, и посмотрел в указанном направлении.

Метрах в пятидесяти над крышами склепов вздымались могучие ветви — больше похожие на корни, вывернутые наизнанку и впившиеся в серое небо.

— Не пойду, я уже страху натерпелся! Сами смотрите! — Смотритель демонстративно притопнул снегоступом.

Инквизиторы с минуту разглядывали Дуб издалека, переводя дух. Затем двинулись к дереву.

В десятке шагов от него Декрес остановился.

Массивный ствол уходил вверх, в раскидистую крону. Тяжёлый снег пригибал ветви к земле. Казалось, они вот-вот не выдержат и обрушатся вниз.

Очередной порыв ветра принёс запах.

Сладковатый. Приторный. Запах тления.

Слишком странный для морозной погоды.

Селия подошла и встала рядом. Улыбка исчезла с её лица. Прикрыв глаза от ветра, магистр сделал ещё один шаг.

И увидел блеск. Влажный, маслянистый — как у разлитой смолы.

Огромный, в несколько обхватов ствол покрывали тёмные

пятна. Они лежали на шероховатой коре неровным узором. И блестели.

Декрес нахмурился. Короеды таких пятен не оставляли. Гниль — тоже. И ни то ни другое не появлялось в мороз. Обычно.

Он подошёл ближе. Из пятен сочился густой чёрный сок. Длинными тяжами он стекал по стволу, испуская тот самый сладковатый запах. И даже не думал замерзать.

С противоположной стороны дерева послышался возглас Селии. Декрес наклонился, прослеживая взглядом путь чёрной жижи.

Несмотря на снегопад, узловатые корни Дуба местами выступали наружу. Между ними не было ни снега, ни земли — только чернильные провалы, зияющие посреди окружающей белизны.

Именно туда стекал чёрный сок.

Магистр наклонился ниже и всмотрелся в один из провалов.

Ничего. Только непроглядная темнота.

Рядом заскрипел снег.

— Что думаете, магистр? — тихо спросила подошедшая Селия.

Лицо дознавательницы почти сравнялось цветом со снегом, губы были плотно сжаты. Декрес выпрямился.

— Пока ничего, сестра.

За годы службы он повидал немало. Деревья сгнивали от

проклятий — так, что целый лес за ночь обращался в труху. Приносили ядовитые плоды, отравляя целые семьи. Стремительно разрастались, захватывая всё вокруг.

Но чтобы посреди зимы дерево истекало этим чёрным соком…

— Я ошибся, — признал Декрес. — Не стоило сомневаться.

Селия тихо хмыкнула. Магистр оглядел пространство вокруг Дуба, задержавшись на проходах между склепами. Их с Селией следы тянулись по снегу глубокой бороздой.

— Надо выяснить, был ли кто-то на кладбище в последние дни.

— Думаете, это сотворил человек? — с сомнением спросила сестра.

— Не исключаю такой возможности.

Воздействие могло быть и дистанционным. Если его вообще совершили намеренно. Ритуальные объекты такого рода работали как маяки, и случившееся с деревом вполне могло оказаться побочным эффектом чего-то более крупного.

— Расспросите смотрителя ещё раз, — распорядился Декрес. — А я пока кое-что проверю.

Селия кивнула и удалилась, тяжело ступая по сугробам.

Декрес достал инквизиторский жезл. Длиной с локоть, тот был вырезан из золотистого дерева и покрыт узорами, напоминающими всполохи пламени.

Магистр на мгновение прикрыл глаза, сосредотачиваясь.

По гладкой древесине пробежала бледно-жёлтая вспышка, отозвавшись приятным теплом в закоченевших пальцах.

Декрес открыл глаза и плавно направил жезл в ближайший провал. С округлого навершия с тихим шипением сорвалась искра. На мгновение зависнув в воздухе, огонёк начал медленно опускаться во тьму.

Декрес следил за ним.

Искра падала, её свет постепенно тускнел. Падение продолжалось долго.

Слишком долго для простой ямы.

Магистр напряг глаза, стараясь не потерять огонёк из виду. Лишь спустя долгую минуту свет окончательно исчез.

Декрес нахмурился и крепче сжал жезл.

Неужели провал и в самом деле настолько глубок? В таком случае он наверняка затронул бы соседние крипты. Или глубина была лишь иллюзией?

Магистр задумчиво почесал подбородок. На бороду налип снег.

Похоже на искажение пространства. Хотя...

Он с сомнением покачал головой. Пространственную магию искореняли уже очень давно. Маловероятно, что кто-то вдруг освоил подобное искусство лишь затем, чтобы выкопать гигантскую яму под деревом.

Декрес снова заглянул в провал.

Что ещё успело распространиться по речным землям, пока здесь не было главного дознавателя?..

Он убрал жезл за пояс и подвернул рукава. Мороз тут же вцепился в обнажённую кожу, заставив волоски встать дыбом. Поморщившись, магистр положил ладони на непоражённый участок коры и снова прикрыл глаза.

Несколько мгновений он тихо шептал формулы, пытаясь нащупать следы пространственного воздействия. Пальцы всё сильнее немели от холода.

Ничего.

Декрес изменил формулу. Теперь он искал следы проклятия.

Золотистое тепло потекло через побелевшие пальцы. Кожу кольнуло, а перед внутренним взором на мгновение возникли вихрящиеся клубы чёрного дыма. И тут же исчезли.

Магия словно утекла в пустоту. Декрес попробовал снова. Ничего.

Как будто никакого магического воздействия здесь вообще не было.

Магистр распахнул глаза и оторвал руки от дерева. Поспешно раскатав рукава, он принялся растирать ладони, возвращая им чувствительность.

Я знаю десятки способов испортить дерево — и это не похоже ни на один.

Вот что тревожило сильнее всего.

Перед ним явно происходило нечто противоестественное. Чёрный сок не замерзал. Корни уходили в провалы невозможной глубины. На миг Декрес даже увидел что-то похожее

на клубы дыма.

Но магия не оставила следа.

Всё, что сейчас можно было сделать, — попытаться сохранить священный Дуб, пока он будет искать причину происходящего.

Краем глаза Декрес уловил движение и повернул голову.

В одном из проходов показалась Селия, с трудом пробиравшаяся по сугробам. Остановившись в двух десятках шагов от магистра, она крикнула:

— Смотритель говорит, что на этой неделе никто не приходил! — Селия перевела дух. — В такую погоду сюда не ходят.

Декрес ещё раз взглянул на чернильный провал и двинулся ей навстречу.

— Ясно. — Поравнявшись с сестрой, он спросил: — В городе есть клерики, работающие с магией жизни?

Селия удивлённо моргнула.

— Конечно, магистр.

— На обратной дороге заедем к ним, — решил Декрес. — Здесь мы больше ничего не сможем сделать.

Он направился к выходу с кладбища.

За спиной чернел Дуб Времён.

Обратный путь показался ещё тяжелее. Пока они выбирались с кладбища, оба взмокли, пробираясь по сугробам. Теперь же, сидя в карете, тряслись от холода, пока экипаж еле тащился по занесённым улицам.

— Культ Айр-ди-Лон — древнейший в речных землях, — пояснила по дороге Селия. — Матерь Дыхания — воплощение жизни во всех её проявлениях.

— Значит, никто не сможет помочь умирающему дереву лучше, чем её последователи, — заключил Декрес.

До нужного святилища пришлось ехать через весь город. Короткий зимний день давно померк, улицы погрузились в безлюдную тишину. Магистр смотрел на проплывающие за окном огни и невольно завидовал тем, кто сейчас сидел дома, в тепле.

Мимо скользнул шпиль храма Единого Света, едва различимый в зимней ночи. Миновав Арену Проповедников, карета остановилась почти у самой границы с Садами Солнца.

Инквизиторы ступили на заснеженную мостовую.

Впереди темнело небольшое здание, оплетённое плющом и диким виноградом. Голые плети собирали на себе снег, а из маленького окна лился тусклый свет. Селия первой шагнула ко входу.

Узкая дверь тихо закрылась за спинами инквизиторов, оставив снаружи мороз и ветер. В углах каменного зала потрескивали жаровни. Вдоль стен на бронзовых подставках курились благовония, наполняя помещение густым ароматным дымом.

В центре стоял небольшой каменный алтарь, тускло поблёскивающий в полумраке. Декрес скользнул по нему взглядом. Алтарь пустовал.

Жрица Зиния — худощавая женщина с мягкой улыбкой — расставляла палочки благовоний, когда вошли гости.

Селия, всё ещё переводя дыхание после дороги, торопливо рассказала о беде, случившейся с Дубом. Декрес добавил:

— У корней провалы. Глубокие и неестественные. Свет в них гаснет. Само дерево истекает чёрным соком, который не замерзает даже на морозе. Следов обычного проклятия я не обнаружил.

Зиния слушала, продолжая спокойно расставлять благовония.

Когда магистр закончил, жрица молча смахнула пепел с прогоревших палочек. Несколько мгновений она смотрела на серые разводы у своих ног.

— За долгие годы служения я слышала немало историй о болезнях земли, — наконец заговорила она. — О проклятиях. Об истощённых источниках силы…

Зиния перешла к другой подставке.

— Но ничего подобного я не встречала ни в книгах, ни в рассказах старших жриц.

Некоторое время слышалось лишь тихое потрескивание огня. Селия нетерпеливо сопела, Декрес молча ждал.

— Кто-то сделал это намеренно? — наконец спросила Зиния.

Магистр неопределённо покачал головой:

— Не знаю. Кому вообще могло понадобиться подобное в ваших краях?

Пальцы жрицы на мгновение замерли над огоньком жаровни.

Декрес прищурился. Ему показалось, что за её спиной по стене скользнул длинный змеиный силуэт. Мгновение — и исчез. Всего лишь игра теней?

— Убивать саму жизнь? — тихо спросила Зиния. — Зачем?

Ответа не последовало.

Жрица устало прислонилась к стене. Несколько палочек с тихим шорохом выпали из её пальцев.

— Если Дуб и вправду почернел так, как вы говорите…

Она поджала губы, глядя куда-то мимо дознавателей.

— Это похоже не на болезнь. Скорее на то, будто дерево теряет жизненную силу. Но куда она уходит и почему — я не знаю.

Декрес украдкой вздохнул. Зиния прижала оставшиеся палочки к груди.

— Я сделаю всё, что смогу. Но даже если нам удастся поддержать Дуб, этого может оказаться недостаточно.

Она подняла глаза на дознавателей.

— Вы должны найти причину. Иначе всё повторится.

Когда они покинули обитель, ночной воздух показался ещё холоднее прежнего. Снег тихо скрипел под сапогами, над крышами медленно поднимался дым. Зиния обещала на рассвете отправиться к Дубу, взяв с собой младших жрецов.

Остаток пути до Капитула они проделали молча и верну-

лись уже глубокой ночью.

Декрес поднялся в кабинет, снял мокрый плащ и повесил его возле жаровни. Затем сел за стол. Достал чистый лист. Нарисовал схематичное дерево. Записал под ним признаки: чёрная жидкость; свет гаснет; следов воздействия нет.

Причину он оставил пустой.

Каэдриэль

Он ещё раз перечитал письмо. Короткое, сухое. Написанное чужим — человеческим — языком.

Бумага была плотной, дорогой, но чернила легли неровно, словно писавший спешил. Или не привык к перу. Судя по отметкам на конверте, в пути письмо пробыло несколько месяцев. Неудивительно: от Бирейна до земель снежных эльфов — половина континента. К тому же пришлось ждать почтового курьера. В полярную ночь мало кто решался на путь до Саэлинора.

«Академия Саэллинора. Профессору Каэдриэлю Наэлису.

С прискорбием сообщаем, что ваша коллега Эранелла Талонир умерла в окрестностях Дивносада. Обстоятельства гибели неизвестны».

Каэдриэль внимательно осмотрел и конверт, и само письмо, но подписи отправителя так и не нашёл. Ясно было лишь одно: письмо пришло из Жаннска.

Он тяжело опустился на стул.

Взгляд зацепился за тальвер, привычно лежавший на столе. Каэдриэль взял прибор и машинально крутанул барабан. Пальцы слушались плохо, словно превратились в вату, и кристалл застрял на полпути.

В памяти всплыло, как Эранелла впервые увидела тальвер. Насмешливо изогнув светлую бровь, она спросила, за-

чем профессору стихийной магии оружие.

— Потому что я не могу метнуть огненный шар, — ответил тогда Каэдриэль.

Он нахмурился и с усилием докрутил барабан. Голубой кристалл с мягким щелчком встал в паз, сменив жёлтый.

Эранелла отправилась на юг ради какого-то исследования. В последние годы их научные интересы разошлись. Дружба — нет.

Каэдриэль резко втянул воздух и запустил пальцы в короткие светлые волосы. Глубоко вдохнуть почему-то не получалось. Воздух застревал где-то в верхней части лёгких.

Он провёл пальцем по рунической вязи на гладкой рукояти. Губы сами прошептали диагностическую формулу. По рунам пробежал всполох, кристалл на долю секунды засветился, а бледную кожу едва ощутимо обожгло холодом.

Тальвер работал идеально.

Каэдриэль положил его обратно на стол. Хоть что-то работало как положено. Он закрыл глаза. И невольно вспомнил их разговор незадолго до отъезда Эранеллы.

Может быть, стоило тогда её выслушать…

Ветер поднимал снопы снега и бросал в оконное стекло, заставляя его мелко подрагивать. Короткий зимний день угасал, и кристаллы в абажурах постепенно разгорались мягким светом.

В кабинете было прохладно, но двое внутри этого не замечали.

Эранелла стояла у стены, прижав к груди блокнот. На губах играла улыбка — не насмешливая, скорее выжидающая. Светлые волосы были собраны в аккуратный пучок.

— Воздух там буквально вибрировал! — с восхищением сказала она, едва не пританцовывая на месте.

Каэдриэль оторвал взгляд от толстого фолианта.

— Ты установила тип воздействия?

— Конечно! — Она широко распахнула глаза. — Вот только как это теперь публиковать…

— Явление повторялось? — перебил Каэдриэль.

Эранелла запнулась и несколько секунд непонимающе смотрела на него.

— По рассказам местных — да, — протянула она. — Но мы пока не установили закономерность.

Каэдриэль задумчиво почесал подбородок. Эранелла с тихим шелестом перелистнула несколько страниц блокнота, отыскивая нужную запись.

— А вы точно исключили все остальные факторы? — наконец спросил он. — Может, там было…

Эранелла резко опустила блокнот и недовольно фыркнула:

— Каэдриэль, я вообще-то не за рецензией пришла!

Он изумлённо моргнул. В светлых, почти бесцветных глазах отражался холодный свет ламп.

— Но ты рассказываешь об исследовании, — Каэдриэль развёл руками.

Она чуть наклонила голову, разглядывая его, будто впервые.

— Нет, — тихо ответила Эранелла. — Но, видимо, ты слишком занят.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Потом она закрыла блокнот.

— Ладно, господин профессор. Не буду вам мешать.

Эранелла направилась к двери.

— Так ты не мешаешь, — пожал плечами Каэдриэль. — Просто то, о чём ты говоришь, — не моя специализация.

Она оглянулась и покачала головой, ничего не ответив. Дверь закрылась.

Каэдриэль ещё несколько секунд смотрел туда, где она только что стояла. Потом недоумённо хмыкнул и снова опустил глаза к книге…

Ветер снаружи завывал, будто вырываясь из самой пустоши. Почти как в тот день.

Ледяная степь тянулась на многие мили — пустая, белая, безжизненная. Зимой она не прощала ошибок.

Тальвер тускло поблёскивал в свете ламп. Он побывал с Каэдриэлем во многих путешествиях и не раз спасал ему жизнь. Стихийную магию следовало изучать в полях, а не сидя в уютном кабинете.

Вой ветра постепенно отступал перед стуком собственного пульса в висках.

Каэдриэль с тоской посмотрел в окно, но не увидел там

ничего, кроме метели. Слишком долго он просидел в Академии. Почти забыл, как выглядит мир за пределами северных земель.

Он снова взял письмо.

«Обстоятельства гибели неизвестны».

Эранелла изучала что-то на юге, а он так и не выяснил, что именно. Теперь её не стало — и он не знал почему.

Возможно, её смерть была связана с исследованием. Возможно, нет.

Но оставить вопрос без ответа Каэдриэль уже не мог. «Неизвестные обстоятельства» свербили в голове учёного, словно рой гнуса в летней тундре.

Он плотно сжал губы и снова взялся за тальвер. В долгом путешествии прибор должен работать безупречно.

Тусклое зимнее солнце едва показалось над горизонтом. Мелкие ледяные кристаллы, кружащиеся в воздухе, вспыхнули яркими искрами. Бесконечно долгая полярная ночь закончилась.

Но воздух оставался таким же студёным, как прежде. Весна всё ещё была где-то далеко.

Солнце поднялось выше, и ледяные шпили Саэлинора ответили ему ослепительным блеском. Белые стены домов окрасились в мягкий розовый цвет. Жители высыпали на улицы — встречать светило, наконец вернувшееся в их ледяной мир.

Каэдриэль стоял среди них, но смотрел не на солнце, а

на караван. Десяток саней уже выстроились у края площади. Ойлаки нетерпеливо переступали с ноги на ногу, выбивая копытами сухой снег и потряхивая рогатыми головами. Густая серебристая шерсть тускло мерцала в утреннем свете, широкие копыта почти не проваливались в наст.

Первый караван на юг. С ним уходила не только ночь — заканчивалась изоляция. Впереди лежала дорога. Долгая, тяжёлая, но теперь хотя бы возможная.

Каэдриэль поднял меховой воротник тёплой куртки и крепче сжал ремень дорожной сумки. Он не был здесь лишним. Но и частью этого утра — тоже. Коротко щёлкнул кнут. Ойлаки дёрнулись вперёд.

Сани тронулись. Скрип полозьев прорезал утреннюю тишину и вскоре стал ровным, почти убаюкивающим. Каэдриэль бросил последний взгляд на сверкающий Саэлинор. А затем отвернулся.

С каждым днём солнце поднималось всё выше, и равнина понемногу теряла мёртвую неподвижность. Первые недели пути прошли через земли снежных эльфов. Города сменяли друг друга почти незаметно: одни караван проходил насквозь, в других задерживался на ночь или две.

В Аэлриндейне остановились на три дня.

Каэдриэль воспользовался первой же возможностью и отправился в столичную библиотеку. Сюда стекались новости из большого мира — даже полярной ночью, когда связь с остальными городами почти замирала.

Жаннск. Оттуда пришло письмо. Каэдриэль отыскал последние известия из Варенсии и углубился в чтение.

Почти сразу одна заметка заставила его задержаться.

Новый глава местной Инквизиции прибыл в Жаннск осенью. Всего несколько месяцев назад.

Каэдриэль достал письмо и сверился с датой. Сроки почти совпадали.

Он ещё раз перечитал заметку, словно надеясь найти между строк что-то, чего там не было. Разумеется, это могло оказаться простым совпадением. Скорее всего, так и было.

Но Каэдриэль всё равно запомнил имя нового главного дознавателя.

Дальше города стали редеть, а дороги — пустеть. На четвёртый день после столицы им встретился отряд вооружённых всадников. Ойлаки под ними шли легко, почти не проваливаясь в снег. Воины коротко переговорили с ведущим возницей и присоединились к каравану.

Впереди лежала Ледяная степь. Без дорог. Без ориентиров. Без права на ошибку.

С самого утра дул западный ветер. Небо затянуло низкими тучами, и свет стал серым и рассеянным. Ойлаки сбавили шаг, с трудом пробираясь через плотный наст. Воины то и дело поглядывали на горизонт.

Каэдриэль заметил это раньше, чем понял причину.

Первая стрела пришла почти бесшумно.

Она вонзилась в тент первых саней, и лишь тогда воздух

догнал её коротким свистом.

Ойлаки шарахнулись, вставая на дыбы. Возница выругался и натянул поводья, едва удерживая животных.

— Стоять!

Командир всадников крикнул коротко и резко. Воины мгновенно перестроились, сомкнувшись вокруг каравана. Луки поднялись почти одновременно.

Каэдриэль вглядывался в равнину.

Пусто.

Слишком пусто.

Он медленно достал тальвер и повернул барабан, устанавливая красный кристалл. В заснеженной степи огненный снаряд мог оказаться особенно полезен. По рунам пробежали искры. Рукоять под перчатками едва заметно загудела, наполняясь энергией.

И тут один из сугробов впереди дрогнул.

Не рассыпался, а скорее сдвинулся. Снег осел, и из него поднялась массивная фигура.

Каэдриэль охнул и вскинул тальвер, одновременно прицеливаясь и прикидывая расстояние. Один из воинов резко повернул к нему голову. Предупреждающий взгляд.

Каэдриэль замер. Кивнул. Стрелять не стал, но оружия не опустил.

Командир тем временем уже направлял ойлака к незнакомцу.

Каэдриэль медленно обвёл взглядом равнину. Теперь он

видел и другие сугробы. Слишком крупные. Слишком правильные. И расположенные примерно на одинаковом расстоянии от каравана.

Засада.

Пальцы крепче стиснули гладкую рукоять тальвера. Если бы их хотели убить, первая стрела попала бы не в тент.

По команде сопровождающих воинов путники поспешно полезли под сани. Ойлаки, словно прекрасно знавшие, что происходит, опустились в снег и прижались к земле. Каэдриэль ещё несколько мгновений смотрел вслед командиру. Потом убрал тальвер за пояс и последовал примеру остальных. Пусть с засадой разбираются те, кто знают, что делают.

Минуты тянулись медленно. Почти нестерпимо.

Наконец до него донёсся голос. Низкий, утробный, почти не похожий на привычную речь. Командир негромко ответил. Каэдриэль прислушался, но слов не разобрал. Зато интонация была вполне понятной.

Они договаривались. Через несколько мгновений командир развернул ойлака и поехал обратно.

Орк издал короткий клич. Один за другим сугробы вокруг каравана ожили. Снег осыпался с плеч, открывая массивные фигуры с топорами и палицами. Их оказалось больше, чем успел насчитать Каэдриэль.

Гораздо больше.

Один из орков поднял топор — не угрожая, а словно салютуя каравану. С длинных светлых кос посыпался снег. За-

тем орочьи воины развернулись и двинулись прочь.

Только тогда эльфы начали выбираться из-под саней. Каэдриэль вылез одним из первых. Заряд внутри тальвера всё ещё пульсировал, требуя выхода. Профессор пробормотал несколько формул и провёл пальцами по рунам, постепенно гася импульс. Тальвер затих. Каэдриэль убрал его за пояс.

Хорошо, что сегодня оружие не понадобилось.

Остаток дня прошёл без приключений. Вечером, когда караван расставлял шатры, Каэдриэль поймал себя на мысли, что скучная дорога — это, в целом, неплохо.

Один из воинов щёлкнул пальцами, зажигая факел магической искрой. Профессор покосился на свой факел и, вздохнув, полез за кресалом. Воин заметил его попытки высечь искру и удивлённо приподнял брови:

— Зачем вам кресало? — Он указал на едва тлеющую паклю. — Вы же профессор стихийной магии. Как я слышал.

Каэдриэль нахмурился и снова ударил кремнем о кресало.

— Именно поэтому я знаю, что отсутствие дара не исправляется должностью.

Воин продолжал непонимающе смотреть на него. Наконец пакля вспыхнула. Каэдриэль отодвинул факел подальше от лица и пояснил:

— Я не волшебник. Я исследователь магии. Лучше многих понимаю, как устроен магический процесс. А вот даром почти не обладаю.

Оставив недоумевающего собеседника переваривать

услышанное, профессор воткнул факел в снег, откинул полог ближайшего шатра и шагнул в тепло.

Там уже вовсю шла вечерняя беседа.

— Сизая Стужа. Так они себя называют, — говорил командир, прихлёбывая горячий грог. — В последние годы у нас с ними мир. Поэтому и едем через их земли.

Воздух внутри согревали магические жаровни — изобретение народа, привыкшего жить среди льдов.

Снаружи ветер яростно терзал стенки шатра. Каэдриэль сбросил подбитый мехом плащ, стянул куртку и с облегчением потянулся. После целого дня в тяжёлой одежде мышцы изрядно ныли. Он опустился на мягкую подушку и потянулся к грогу.

— Значит, они на нас не нападут? — спросил профессор, наполняя кружку. — А вы здесь затем, чтобы они не забыли о перемирии?

Командир улыбнулся, грея руки о горячий металл.

— Вроде того. Народ… своеобразный. Вдруг забудут, с кем подружились?

Шатёр наполнился дружным хохотом. Каэдриэль сделал глоток грога и на секунду зажмурился, ощущая, как внутри растекается приятное тепло.

— Кстати, а что это вообще было? — спросил командир.

Профессор застыл, не донеся кружку до губ.

— Что именно?

— Та штуковина, которой вы целились в орка.

— А-а. — Каэдриэль поставил кружку и потянулся к поясу. — Тальвер.

Он положил прибор перед командиром. Тот с интересом разглядывал гладкую рукоять, барабан с разноцветными кристаллами и ровную направляющую.

— Магическое оружие? — с видом знатока спросил один из воинов.

— Нет, — протянул Каэдриэль. — Стихийный преобразователь.

Он забрал тальвер и повернул его так, чтобы остальные могли видеть устройство.

— Внутри скрывается накопитель. Он удерживает энергию. Система рун направляет поток, а сменные кристаллы задают форму преобразования…

Каэдриэль принялся объяснять устройство. Через несколько минут он дошёл до различий между накоплением и преобразованием энергии.

Когда он закончил, в шатре на несколько мгновений повисло молчание.

— То есть магическое оружие, — наконец заключил другой воин.

Каэдриэль поморщился.

— В крайне упрощённом смысле.

Он убрал тальвер за пояс и вздохнул.

В следующие недели караван ещё несколько раз встречался с орками. Однажды даже пришлось изменить маршрут:

орки встали стеной и наотрез отказались пропускать путников. Позже командир пояснил, что там находится поселение, и орки требуют обходить его стороной.

Как-то Каэдриэль заметил вдали цепочку мохнатых холмов, медленно движущихся по тундре. Первый из них вдруг повернулся в сторону каравана, и на солнце блеснули огромные бивни. Они считались драгоценными, но попытка поохотиться могла закончиться стрелой от местных племён.

Солнце грело всё сильнее, обещая близкую весну.

Однажды ойлак, шедший впереди, задел копытом кочку. С неё осыпался снег, и под ним обнаружилась маленькая ель — не больше полуметра высотой.

Вскоре Ледяная степь осталась позади. Теперь караван двигался по замёрзшей реке через тайгу. С каждым днём лес становился гуще, а деревья — выше. Кривые, пригнувшиеся к земле стволы постепенно сменились стройными и прямыми.

Каэдриэль с любопытством наблюдал за меняющимся ландшафтом, оценивая толщину наста, высоту солнца и температуру. Сезонный и широтный градиенты весьма интересно накладывались друг на друга.

Если он правильно рассчитал маршрут, то в Дивносад он прибудет в разгар тамошней весны. Придётся куда-то деть тёплую одежду — и запастись другой, по сезону…

Поначалу он почти каждый день перечитывал письмо о гибели Эранеллы. Снова осматривал конверт, надеясь найти

то, что упустил. Затем аккуратно складывал письмо и убирал обратно.

К тому времени, когда караван добрался до тайги, Каэдриэль перестал его доставать. Не потому, что реже думал об Эранелле.

Просто теперь каждую строчку помнил без бумаги. А впереди оставался ещё долгий путь.

Следы в темноте

За окном медленно тянулась унылая зима. День за днём Декрес просматривал архивы, пока свечи на его столе не догорали до медных подсвечников.

За месяц они проверили десятки старых дел о скверне, расспросили университетских учёных, разослали дознавателей по княжеству.

Ничего. Каждый след либо обрывался, либо оказывался обычным проклятием, болезнью, местным духом — чем угодно, только не тем, что пожирало Дуб.

Декрес не спеша спускался по каменной лестнице. Молодой послушник, завидев главного дознавателя, торопливо поклонился и посторонился. Серый плащ, пока ещё без цветной каймы, почти сливался с каменными стенами обители.

Декрес проводил юношу взглядом. Все они начинали с незаметности.

Центральный зал Капитула был холодным и тёмным. Закопчённые светильники едва рассеивали сумрак, а узкие окна под тяжёлым потолком пропускали слишком мало дневного света.

— Магистр, магистр!

Крик эхом прокатился под сводами.

— Магистр, погодите!

Декрес обернулся. К нему изо всех сил спешил Тарин Вра-

тис — тучный, вечно задыхающийся страж Печати.

— Магистр… уфф…

Наконец догнав Декреса, Тарин наклонился, упёрся руками в бёдра и принялся хватать ртом воздух. Декрес молча ждал.

— Там у входа… уфф… стражник. Ждёт вас… от капитана Вранека.

— Вранека? — переспросил Декрес.

О Дариэле Вранеке, начальнике жаннской стражи, он уже слышал, но лично с ним до сих пор не встречался.

Тарин сделал несколько глубоких вдохов и с кряхтением выпрямился.

— Я спрашивал, зачем пришёл. Хочет говорить только с вами. Сам бледный, что твой снег.

«Что твой снег», — мысленно повторил магистр.

Он на мгновение задержал взгляд на всё ещё тяжело дышащем Вратисе и ускорил шаг.

Озябший паренёк в кирасе ждал его в тесной приёмной. Он то и дело дышал на ладони, пытаясь согреть побелевшие пальцы. Завидев Декреса, стражник моментально вытянулся по струнке.

— Господин главный магистр! У меня для вас послание особой важности! От капитана! — бодро отрапортовал он. — На улице нашли трупы. Бродяг, как мы думаем. Стычки на улицах — обычное дело. Но…

Парень осёкся и уставился в пол.

— Продолжайте, — поторопил Декрес.

Стражник нервно сглотнул.

— Они жуткие… — просипел он и кашлянул. — У них… уродства…

Декрес нахмурился.

«…на третий день у мельника вытянулась нижняя челюсть…»

Слова из старого донесения всплыли в памяти почти дословно.

Он внимательнее посмотрел на посыльного. Глаза парня бегали из стороны в сторону, пальцы то и дело тянулись к горлу, словно ворот кирасы вдруг стал слишком тесным.

— Показывайте, — коротко приказал Декрес.

Дорога до городской тюрьмы заняла около получаса. Массивное здание с узкими окнами угрюмо нависало над пустынным плацем. Декрес машинально отметил: здесь негде спрятаться. Только часовые мерно вышагивали вдоль стен.

Привратник, завидев инквизитора в сопровождении посыльного, пропустил их без вопросов. Стражник повёл магистра по тёмным тесным коридорам, пока они не остановились у лестницы, уходящей в подвал.

— Внизу мы держим трупы, найденные на улицах, — пояснил он, начиная спуск. — Опознанных отдаём родственникам. Неопознанных — жрецам…

Парень говорил быстро и сбивчиво. Декрес молча слушал.

— Второго привезли недавно. Девчонка, что его нашла,

ещё здесь — капитан велел дождаться, пока её опросят.

На последней ступени стражник остановился и толкнул тяжёлую дверь.

В лицо пахнуло старой кровью и едким щёлоком. Внутри находились двое. Мертвецкий с закатанными рукавами держал в руке скальпель. У дальней стены стояла бледная девушка в серой мужской одежде с фонарём в руках. Услышав скрип двери, оба повернулись.

Декрес оглядел помещение. Посреди каменного пола стояли два массивных деревянных стола. На каждом лежало тело.

— Господин главный инквизитор, — представил его стражник.

Мертвецкий несколько секунд разглядывал гостя, затем кивнул на труп, над которым только что работал.

— Вы вовремя. — Он криво усмехнулся. — Мы ещё не успели их разобрать.

Декрес ничего не ответил. Он подошёл ближе.

Бездомные в любой стране выглядели одинаково. Тощие тела, пергаментная кожа. Язвы и струпья. У одного почернели пальцы на ноге. Обморожение.

— Вы сюда гляньте, — сказал мертвецкий и указал скальпелем на грудь покойника.

Декрес наклонился. Кожу покрывали огромные, шириной почти с ладонь, иссиня-чёрные волдыри.

— Тоже обморожение?

— Не похоже…

Декрес стянул перчатку и осторожно коснулся одного из волдырей. Нет. Обморожение выглядело иначе.

У девушки с фонарём дрогнули губы. Она отвернулась.

Магистр провёл кончиками пальцев по холодной коже. Его взгляд скользнул ниже — и остановился на руке покойника. Пальцы были вытянуты и искривлены.

В полумраке, на фоне синюшной кожи, он не сразу заметил деформацию.

— Где их нашли?

— Этого — у Старого пруда, — ответил стражник. — Второго возле Мельничного переулка.

— Второй был ещё тёплый, когда его привезли, — едва слышно сказала девушка.

Декрес посмотрел на неё, но ничего не спросил и перешёл к другому столу.

Такие же волдыри вздулись на шее второго мертвеца. Правая нога распухла и покрылась грязно-коричневыми наростами.

Это не опухоль. На известные ему последствия биомантии тоже не похоже.

Декрес прошептал формулу. Пальцы окутало золотистое сияние. Он медленно провёл ладонью над наростами. Кожу несколько раз слегка кольнуло. И всё. Магистр погасил свечение. Проклятие обычно ощущалось иначе.

В подвале стало совсем тихо. Все трое следили за ним.

Декрес перевёл взгляд на волдыри над кадыком покойника. Нахмурился.

Кожа вокруг них казалась чуть светлее.

Он наклонился почти к самой шее. Нет. Не казалась.

Декрес резко выпрямился.

— Погасите свет.

— Что? — переспросил стражник.

— Мне нужна темнота. Прикройте фонарь.

Девушка удивлённо вскинула брови, отошла подальше и задвинула шторку. Подвал погрузился во мрак.

Несколько секунд не происходило ничего. Потом глаза Декреса начали привыкать к темноте.

На шее покойника проступило тусклое белёсое свечение. Два едва мерцающих отпечатка — словно кто-то коснулся кожи пальцами, испачканными фосфорной пылью.

— Вот же срань затонная… — выдохнул мертвецкий.

— Сожри тебя Утопник, — эхом отозвался из темноты стражник.

Декрес повернулся к первому телу. Такое же сияние проступало на запястье.

— Свет.

Скрипнула шторка. Подвал снова озарило жёлтым светом фонаря. Декрес повернулся к девушке.

— Подойдите. Как вас зовут?

— Ильнара.

Она приблизилась.

— Посветите на пальцы.

Ильнара поставила фонарь на стол рядом с рукой мертвеца. Декрес мельком взглянул на неё. Бледность никуда не исчезла, но теперь девушка смотрела на тело внимательно и сосредоточенно.

Он снова склонился над искривлёнными пальцами, шепча диагностическую формулу.

— Вы уже видели что-нибудь подобное?

— Нет, — быстро ответил стражник.

Мертвецкий мотнул головой и положил скальпель на стол. Ильнара чуть помедлила.

— В трущобах всякое болтают. — Она чуть крепче сжала ручку фонаря. — Но такого я сама не видела.

— Мы бы про такое знали! — фыркнул стражник.

Девушка не ответила. Несколько мгновений Декрес смотрел на неё. Затем кивнул.

— Если ещё услышите о подобных случаях — передайте страже. Или Капитулу. Немедленно.

Он направился к выходу. Стражник поспешил следом. Через несколько минут Декрес вышел на мороз и глубоко вдохнул. Холод обжёг лёгкие. Даже это было лучше запаха подвала.

Едва вернувшись в Капитул, магистр вызвал Вратиса.

— Поднимите все донесения за последние месяцы, где упоминаются свечение кожи, необычные пятна, внезапные приступы ярости или телесные изменения.

Тучный брат тяжело переступил с ноги на ногу:

— Я не помню, чтобы такие были, магистр.

— Тем более поищите.

Страж Печати медленно удалился, пыхтя на ходу.

Через два дня на стол магистра легло донесение.

«Деревня Зелёный Ручей. Южная Варенсия. Праздник сбора урожая.

Трое подвыпивших мужчин бросились на соседей. К утру скончались. Вокруг губ обнаружено слабое свечение, характерное для некоторых местных грибов. Причина происшествия — отравление грибной настойкой.

Тела преданы огню. Выезд дознавателя не требуется.»

Донесение подписал деревенский староста.

В памяти всплыли строки, прочитанные ещё в Кастеллиуме:

«…двое накинулись на односельчан и принялись их рвать зубами…»

Теперь к агрессии добавилось свечение. Магистр раздражённо постучал карандашом по столу, глядя на предпоследнюю строчку.

«Тела преданы огню.»

Декрес отложил донесение в отдельную папку. В следующие дни ему оставалось только разбирать отчёты дознавателей и алхимиков.

Спустя неделю в дверь кабинета постучали. На пороге возник взъерошенный послушник с пухлым конвертом в ру-

ке.

— Магистр, пришло донесение из Вересково.

— Вересково? — Декрес принял письмо и сломал сургуч. — Это где?

— Городок на восточном тракте. В нескольких днях пути от Жаннска.

Главный дознаватель развернул бумагу и жестом отпустил послушника.

«Праздник зимнего солнцестояния… ярмарка в центре… съехались жители окрестных деревень…

В полдень начались танцы. При первых звуках музыки около десятка танцоров обезумели и бросились на окружающих…»

Декрес замер. Снова немотивированная агрессия. Он продолжил читать.

«У двоих вытянулись и деформировались конечности…»

Магистр придвинул к себе чистый лист и быстро записал:

Агрессия. Изменение пропорций.

Затем вернулся к донесению.

«Растерзаны несколько человек. Нападавшие убиты. По свидетельству нескольких очевидцев, на их одежде наблюдалось слабое свечение…»

Декрес перечитал последнюю строчку. Свечение. Но на этот раз — на одежде. Значит, совпадение неполное.

Он резко поднялся, распахнул дверь и выглянул в коридор. Послушник ещё не успел далеко уйти. От неожиданно-

сти парень вздрогнул и обернулся.

— Найдите Брависа. Живо.

Парень сорвался с места. Декрес вернулся к столу. Через четверть часа на пороге появился Бравис.

— Срочно собирайтесь в Вересково, — сказал магистр и протянул ему донесение.

Бравис быстро пробежал глазами первые строки. Вопросов не последовало. В тот же день он уехал.

На третий день после отъезда Брависа Вратис принёс ещё четыре донесения.

Два Декрес отбросил почти сразу. Светящиеся пятна на руках лесорубов оказались лишайником, а внезапное безумие старухи из пригорода — обычным проклятием, которое местный жрец снял ещё осенью.

На пятый день пришла весточка от Зинии. Гниение перестало распространяться, но излечить священный Дуб пока не удавалось.

На шестой Декрес снова отправился на кладбище проверить провалы.

Вокруг дерева уже протоптали тропинку. Двое жрецов медленно обходили Дуб по кругу, напевая мотив без слов. Завидев магистра, один из них ненадолго замолчал.

— Если мы хоть на день прекратим ритуал, дерево может погибнуть.

Сказав это, он вернулся к пению.

— Понимаю, — отозвался Декрес и приблизился к одной

из ям.

На этот раз он принёс фонарь и длинную верёвку. Свет медленно опускался в темноту. Через несколько секунд он исчез. Декрес подождал и потянул верёвку обратно. Из провала показался почерневший конец. Фонаря не было.

На следующий день он повторил опыт. Результат был тем же.

После третьей попытки пришлось признать: без новых данных здесь больше нечего проверять.

На десятый день вернулся Бравис. Когда он переступил порог кабинета, на воротнике ещё лежал снег.

— Дороги замело, магистр, — вздохнул дознаватель. — В другое время года добрался бы быстрее.

Он замолчал, уставившись в стену, и сцепил руки перед собой. Декрес медленно откинулся на спинку стула.

— Вы не успели.

Бравис покачал головой, не глядя на него.

— Когда я прибыл, тела уже сожгли.

Дознаватель вскоре ушёл. Декрес ещё долго сидел, глядя на закрывшуюся дверь. Затем поднялся и подошёл к окну.

Коричневая черепица Жаннска исчезла под снегом, окончательно лишив город красок.

Если Капитул и дальше будет узнавать о подобных случаях с опозданием, расследование не продвинется никогда.

Вернувшись к столу, Декрес снова посмотрел на лист с перечнем симптомов.

В одном случае — двое уличных бродяг. В двух других — праздники.

Последние два объединяло скопление людей. Пока это ничего не доказывало. Но других закономерностей он пока не видел.

На следующий день Декрес вызвал Селию.

— Сестра, составьте перечень мест, где обычно бывает много людей.

Дознавательница с удивлением посмотрела на начальника.

— Вообще всех?

Декрес кивнул:

— Пока — да. Ярмарки, рынки, праздники…

— Порт?

— Порт тоже.

Селия всё ещё выглядела озадаченной, но спорить не стала. Когда дверь за ней закрылась, Декрес уставился в своё отражение в полированной дверце шкафа.

По нынешним делам оставалось только ждать. Зацепок всё равно больше не было.

Он вздохнул, открыл ящик стола и извлёк старое дело, привезённое из Цитадели.

На папке успел осесть тонкий слой пыли.

На город уже опустились ранние зимние сумерки. Тёплый воск стекал по свечам и застывал на медных подсвечниках причудливыми серо-белыми наплывами.

Декрес в очередной раз листал пожелтевшие страницы. Рядом лежал чистый лист бумаги. Наконец магистр захлопнул папку и написал:

Вырваны страницы.

На следующий день он вызвал Варека. Невысокому коренастому дознавателю было чуть за сорок. Услышав вопрос о старом процессе, он недоумённо взъерошил ёжик русых волос.

— Я тогда ещё послушником был, магистр. — Он пожал плечами. — Нас к таким делам не подпускали.

— Меня тогда не было в Жаннске, — ответила на тот же вопрос другая дознавательница, ненамного младше Варека. — Говорили, всё закончилось за один день. Приехали, арестовали всех — и всё.

Единственный пожилой сотрудник Капитула, лектор Освин, недовольно пробурчал:

— Не нашего уровня было. Нам велели не задавать вопросов.

И удалился по коридору, шаркая ногами. Декрес проводил его взглядом.

Сейчас Освин руководил лабораторией. Двадцать пять лет назад, вероятно, был рядовым алхимиком. Не дознавателем.

В Капитуле не осталось никого, кто непосредственно работал над тем делом четвертьвековой давности.

Но должны были остаться материалы: улики, протоколы и

показания свидетелей.

— Кто заведует архивом? — спросил Декрес у Селии в тот же день.

— Тарин Вратис, — ответила она.

Архив располагался в подземелье Капитула. Всё как в Кастеллиуме. Тайны хоронили под толщей земли и камня.

На следующий день магистр спускался в глубокий подвал в сопровождении стража Печати. Желтоватый свет фонаря скользил по холодным стенам, шаги гулко разносились по лестнице. Тарин тяжело переваливался со ступени на ступень и пыхтел. Через каждые несколько пролётов ему приходилось останавливаться и переводить дух.

Во время очередной остановки Декрес задержал взгляд на архивариусе. Белая окантовка его плаща в свете фонаря казалась жёлтой.

Магистр невольно улыбнулся.

Ему самому по новой должности полагалось сменить голубую кайму на жёлтую. Многие главные дознаватели, насколько он знал, предпочитали сохранять цвет своего прежнего ранга.

Декрес пока тоже.

— Уфф… — Тарин наконец преодолел последнюю ступень и с тоской посмотрел наверх. — А потом ещё обратно…

Он махнул рукой в глубину тёмного коридора.

— Нам сюда.

Чуть поодаль блеснул навесной замок на потемневшей

двери.

Вещественный архив оказался просторным помещением, заставленным коваными сундуками и шкафами, обитыми железом. На каждом висел тяжёлый замок, а на многих — не один.

Едва переступив порог, Декрес ощутил знакомое потрескивание в воздухе.

— Охранная магия, магистр, — пояснил Тарин и указал на сундук неподалёку от входа. — Вам сюда.

Декрес проследил за его жестом. Всего один сундук. Словно все улики по делу поспешили свалить внутрь и запереть.

— Дальше я сам, брат Тарин. Можете идти.

Страж Печати сокрушённо покачал головой.

— Ох, подниматься целую вечность придётся…

Он удалился, тяжело ступая по коридору.

Декрес приблизился к сундуку. Массивный, из тёмного железа. Два механических замка, а с торца — небольшой металлический круг.

Магистр провернул ключи в скважинах и приложил к кругу печать. Сундук на долю секунды окутало сияние. Раздался щелчок. Декрес откинул тяжёлую крышку.

Внутри стояли аккуратные ящички. В одном лежали засушенные растения с цветками, похожими на хищные пасти. В другом — склянки с разноцветным осадком. Дальше нашлись писчее перо, небольшая статуэтка танцовщицы, дневники и несколько книг.

Возле самой стенки небрежно лежал сложенный лист бумаги. Декрес осторожно развернул его. Карта поместья осуждённой семьи. Он поднёс её ближе к фонарю.

Квадрат особняка оставался чистым. Вероятно, дом не тронули. Несколько построек вокруг него были закрашены чёрным.

«Оранжереи», — гласила подпись.

Рядом кто-то нарисовал язычок пламени. Сожгли.

Декрес повертел карту и уже собирался сложить её, когда взгляд зацепился за ещё один квадрат. В стороне от особняка и оранжерей.

Он не был закрашен. Внутри стояли три аккуратных знака вопроса.

Декрес убрал карту в сумку и достал стопку тетрадей. Ботанические схемы. Ряды незнакомых формул. Несколько страниц с перечнями растений. Книги оказались самыми обычными: основы ботаники, теория магии. Он нахмурился и ещё раз перебрал содержимое сундука.

Тетради. Книги. Склянки. Личные вещи.

Где протоколы допросов?

Подозреваемых допрашивали всегда. Если только колдун не погибал при задержании — например, швыряясь заклинаниями прямо во время ареста.

Протоколы могли быть изъяты отдельно. Но тогда в описи должна была остаться отметка.

Декрес медленно вернул улики на место и опустил крыш-

ку. По металлу пробежало сияние, снова активируя защиту. Перед уходом он занёс карту в журнал изъятых материалов и поставил подпись.

Вернувшись в кабинет, он перерисовал карту поместья в блокнот. В верхнем углу обнаружилась пометка:

Окрестности Дивносада.

— Это неподалёку от Жаннска, магистр, — чуть позже объяснила Селия. — День пути, если по тракту.

День пути. С Капитулом ничего не случится, если он оставит его на пару дней.

Ошибка, которой не было

На следующий день в университете горели уже все светильники. Но на восстановление лабораторий требовалось куда больше времени. Утечка умбраина сорвала опыты на трёх этажах. В нескольких лабораториях погибли животные, вышло из строя оборудование.

Пострадавший учёный выжил — но без конца дрожал от холода и панически боялся возвращаться в университет. Только в присутствии жреца Света он немного успокаивался.

В городские бумаги происшествие вошло как лабораторная авария. Чтобы формулировка не изменилась после рассказов пострадавшего и жрецов, университету пришлось расстаться с несколькими тяжёлыми кошелями.

Иантис понуро брёл вслед за Льеном. Деревянные ступени тихо поскрипывали под ногами, а снизу доносились голоса студентов.

На втором этаже Льен остановился перед высокой дверью и постучал. Иантис бросил быстрый взгляд вниз по лестнице. Профессор коротко покачал головой.

Бежать было поздно.

Услышав разрешение войти, Льен толкнул створку.

В глаза ударил свет из высоких окон.

Майское солнце щедро заливало просторный кабинет. Ползущая темнота вчера сюда не добралась. И всё же воздух

внутри казался ледяным, словно в глубокой пещере.

За тяжёлым дубовым столом восседала пожилая дама с седыми волосами, собранными в пучок. Табличка перед ней гласила: «Ректор. Мирена Киларус». Услышав скрип двери, она подняла на вошедших строгий взгляд.

Рядом, на мягких стульях, сидели Малисия, Сайнек и престарелый, почти глухой профессор Талдер. Иантис и Льен остановились перед столом — так, что солнечный свет бил им в лица.

Иантис насупился и уставился в пол. Под взглядами коллегии волоски на руках встали дыбом.

Повисла короткая пауза.

— Иантис Белтрок? — прозвучал голос ректора.

Он кивнул, не поднимая глаз. Льен открыл рот, но Киларус осадила его ледяным взглядом.

— Молодой человек, извольте отвечать вслух.

Иантис поднял голову.

— Да, госпожа ректор, — сердито ответил он.

Губы Киларус сжались в тонкую полоску. Она подалась вперёд.

— Произошедшее вчера немыслимо. Признаюсь, у меня нет слов, чтобы это описать.

Рядом сердито выдохнул Сайнек. Малисия сцепила пальцы в замок. Талдер равнодушно смотрел в окно.

— В вас есть хоть капля рассудка, господин Белтрок? — продолжила Киларус.

Иантис сжал кулаки и вскинул голову. Несколько мгновений он сердито смотрел на ректора.

— Именно рассудок и привёл меня к этому, — процедил он.

Киларус изумлённо вскинула брови. Малисия уже собиралась что-то сказать, но Льен её опередил.

— Госпожа Киларус, позвольте… — Он шагнул к столу и принялся теребить полу камзола. — Мой ученик, безусловно, допустил ошибку…

Иантис резко повернулся к наставнику.

— Я не совершал ошибки. — Голос сорвался. — Я доказал, что формула работает. Теория верна.

Льен предупреждающе поднял ладонь, но Иантис уже перешёл на крик:

— Это был прорыв!

Кровь бешено стучала в висках.

В кабинете повисла звенящая тишина. Даже Талдер оторвался от созерцания окна и слезящимися глазами покосился на студента. Льен испуганно смотрел на подопечного. Его губы беззвучно шевелились.

Иантис резко выдохнул, переводя дух, и заговорил тише:

— Умбраин. Вы назвали его теоретической субстанцией. А я доказал, что он существует.

Он вскинул подбородок. Льен сокрушённо прикрыл глаза.

Первой откашлялась Малисия.

— Никто теперь не спорит, что вы получили неизвестный

феномен, — хрипло сказала она. — Но ваши методы… Вы понимаете последствия?

— Вы едва не угробили человека и чуть не разнесли половину университета, — добавила Киларус. — И при этом позволяете себе повышать голос.

Сайнек задумчиво постучал пальцами по колену.

— Вероятно, теория Белтрока и в самом деле верна… — пробормотал он. — Тогда тем более лучше держаться от таких теорий подальше.

Иантис покосился на него. Сайнек разглядывал паркет.

Они признали его правоту.

— Вы не контролировали условия, Белтрок? — вдруг раздался дребезжащий голос Талдера.

Взгляд престарелого профессора оказался удивительно ясным.

— Я… — начал Иантис.

— Вы стремились получить свою субстанцию, — продолжил Талдер. — Но не догадались сначала просчитать, как сделать это безопасно?

Иантис промолчал. Он получил умбраин. Если бы ему помогали — может быть, и последствий бы не было.

Киларус придвинула к себе финансовую ведомость и взялась за перо.

— Ущерб будет вычтен из вашей стипендии, — сказала она. — Возражения есть?

Иантис задержал взгляд на документе.

— Вычитайте.

— Прекрасно.

Киларус сделала пометку, отложила перо и снова посмотрела на студента.

— А теперь к главному. Вы грубо нарушили правила безопасности. Если бы это вышло в город…

Её голос едва заметно дрогнул. Иантис заметил.

Они боялись.

Не его самого, а полученного результата.

— Ну а вы? — Киларус перевела взгляд на Льена. — Где были вы, профессор Осмар Льен, и почему не следили за своим подопечным?

Она сложила руки на столе.

— Вы не понимали, насколько опасны его эксперименты?

Льен лишь сокрушённо кивнул.

— Приношу свои извинения, госпожа Киларус. Я знал о его идеях — и должен был остановить его раньше.

Он поднял усталый взгляд на ректора и членов коллегии. Казалось, морщины на его лице стали глубже.

— Моей халатности нет оправдания. Я готов понести любое наказание.

Иантис дёрнулся, но Льен схватил его за руку и крепко сжал.

— Всё это — моя ответственность, — продолжил профессор. — Но Иантис… он талантлив. Слишком талантлив, чтобы мы потеряли его сейчас.

Иантис стиснул зубы и отвернулся. Льен не ослаблял хватки.

— Я прошу не исключать его из университета. Уверен: если направить его ум, его ждёт большое будущее.

Киларус несколько секунд пристально смотрела на Льена. Затем медленно кивнула и придвинула к себе чистый лист.

— Белтроку с этого момента запрещено работать самостоятельно.

Она вывела первую строчку. Иантис резко вдохнул и шагнул к столу. Льен удержал его.

— Осмар Льен, я снимаю вас с руководства проектом.

Ещё один росчерк пера.

— Расчёты Белтрока и прочие материалы немедленно передать в закрытый архив.

Льен тяжело вздохнул и наконец выпустил руку студента. Киларус поставила на приказе печать и подняла глаза на Иантиса.

— Вам запрещено продолжать работу над этой теорией, Белтрок. Но из университета вас пока не исключают. Цените это.

Она придвинула приказ к краю стола.

Кабинет они покидали молча. Только в конце коридора Льен тихо произнёс:

— Главное, что тебя оставили, Иантис. — Он слабо улыбнулся. — Остальное переживём.

Иантис хмуро кивнул. Умбраин запретили. Зачем теперь

остальное?..

К вечеру университетские двери закрылись. О случившемся велели молчать. Но к ночи о происшествии уже знали на другом конце города.

Почти у самой границы леса стояла небольшая безлюдная пристань. С наступлением сумерек здесь закипела жизнь: к причалу подошло небольшое судно, и рабочие принялись грузить на него ящики.

Единственный факел скупо освещал берег, выхватывая из темноты силуэты грузчиков. Работа шла молча. Никто не задавал вопросов.

Чуть в стороне стояли двое. Один, худощавый, наблюдая за погрузкой, вдруг заговорил хриплым голосом:

— Вы слышали о случившемся в университете?

Второй — более высокий и широкоплечий — слегка повернул голову.

— Университет сегодня едва не потерял целое крыло, — продолжил первый и коротко усмехнулся.

— Причина?

— Студент. Работал с Тенью.

— Имя?

— Иантис Белтрок.

— Сам остановил?

— Почти. Наставник помог.

— Его выгнали?

— Нет. Но запретили продолжать.

Второй отвернулся к реке. Из темноты доносился тихий плеск воды.

— Значит, продолжит, — произнёс он после короткой паузы.

Судно начало отходить от пристани. Почти бесшумно — лишь тихо поскрипывали снасти.

— Не мешай ему, — снова сказал высокий.

— И всё?

— Наблюдай.

Он помолчал.

— Когда ему закроют последнюю дверь — покажи другую.

Тень в порту

В Дивносад Декрес хотел отправиться на ближайшей неделе. Но планы не пережили столкновения с реальностью.

Однажды утром в его кабинет вошла Селия, волоча толстую стопку документов. На губах сестры играла лёгкая ухмылка.

— Доброе утро, магистр! — поздоровалась она, переступая порог. — Я принесла вам отчёты.

Декрес непонимающе уставился на бумаги.

— Какие отчёты, сестра? Я ничего не запрашивал.

Ухмылка Селии стала ещё шире.

— Финансовые. За прошлый год.

Она подошла к столу и тяжело опустила стопку перед Декресом. В воздух поднялось облачко бумажной пыли.

— Раньше ими занималась я. Теперь вы главный — вам и разбирать.

Селия выпрямилась перевела дух.

— Ох и тяжёлые же они! — Она отёрла пот со лба и развернулась к двери. — Ну, я пошла.

Она бодрым шагом вышла из кабинета. Декрес остался сидеть, глядя на стопку бумаг, словно ожидая, что она исчезнет сама собой.

Финансовыми отчётами дело не ограничилось. Следом пришли зависшие расследования, списки на повышение, жа-

лобы, ведомости. К концу недели Декрес окончательно убедился: главный дознаватель гораздо чаще распоряжается чужой работой, чем занимается своей.

Зима постепенно приближалась к концу — в отличие от бесконечной рутины.

В ясный мартовский день, когда снег ещё лежал плотным саваном, но солнце уже грело по-весеннему, в двери Капитула постучал курьер. Он передал привратнику конверт и быстрым шагом ушёл прочь, оставляя в мокром снегу тёмную цепочку следов.

Письмо предназначалось лично магистру Куго Декресу. Отправителем значился Дариэль Вранек.

Декрес сломал печать и развернул послание.

«Минувшей ночью в порту случилась стычка между городскими бандами…»

Магистр задумчиво провёл пальцами по переносице. Он уже слышал, что преступные группировки без конца делят Жаннск между собой.

«Когда подоспела стража, часть бандитов уже была мертва. Вместе с ними — несколько случайных горожан. Выжившие успели сбежать».

Какое это имеет отношение к Капитулу? Декрес продолжил читать.

«Двое стражников вошли в переулок первыми. Ещё трое остались у поворота и видели, как тени словно потекли со стен…»

Декрес замер. Перечитал строчку ещё раз. Дальше он читал уже медленнее.

«Тени схватили людей. После этого резко наступила тишина. Из переулка потекла темнота».

Потекла темнота? Декрес аккуратно обвёл эти слова карандашом.

«Все стражники, вошедшие в переулок, погибли на месте».

Магистр резко поднялся и поспешил вниз. Повстречавшейся по дороге Селии он коротко бросил:

— В порт. Сейчас же.

Дознавательница не стала задавать вопросов.

Дорога к порту пролегала через центр города. Широкие улицы уже расчистили от снега. Экипаж бодро катился по брусчатке, подскакивая на неровностях. Мимо мелькали вывески ремесленных лавок: ножницы, алхимические колбы, сапоги.

В порту стоял тяжёлый запах речной тины, смолы и рыбы. К нему примешивались дешёвое пойло и сырая древесина.

Река пока была скована льдом, и суда неподвижно стояли в затонах. Лишь местами чернели полыньи, где тёмная вода лениво шевелилась под обломками тонкого льда.

Но порт уже вовсю оживал: навигационный сезон был не за горами. На верфях стучали молотки, изредка сухо щёлкали натянутые морозом снасти пришвартованных судов. Снег вдоль причалов потемнел и осел, превратившись в грязную

кашу.

Сойдя с экипажа, Декрес увидел двух стражников в кирасах и с копьями в руках. Рядом с ними пыхтел трубкой крупный мужчина с седеющими волосами и пышными усами. Завидев инквизиторов, он шагнул навстречу, вынул трубку изо рта и протянул руку.

— Вы, должно быть, и есть новый главный дознаватель?

Декрес пожал руку.

— Верно. С кем имею честь?

— Дариэль Вранек, — представился начальник стражи и кивнул Селии. — Сестра Брандис.

Селия наклонила голову в ответном приветствии. Стражники отдали честь.

Вранек указал трубкой вглубь портовых проулков, и они двинулись следом.

Снег чавкал под ногами. С сосулек мерно капала вода. Некоторое время Вранек молчал.

— Скажу прямо, магистр… — наконец начал он, затянулся трубкой и хрипло кашлянул. — Я в этом городе всякого насмотрелся. Но вчерашняя дрянь…

Он тихо буркнул в усы:

— Мороковы отродья…

Спохватившись, капитан прочистил горло.

— Мои ребята не из трусливых. Зуб даю. А вернулись оттуда — белые, как снег.

Вранек отвернулся к причалу. Декрес не перебивал.

— Капитан, — заговорила Селия, — я правильно поняла, что сначала это была обычная потасовка?

Вранек бросил на неё короткий взгляд.

— Порт… — пробормотал он. — Порт ночью — место дрянное. Но вчера там было хуже обычного. Сначала драка. Обычное дело. Эти окаянные шавки режут друг друга каждую неделю. Мы уже привыкли.

Капитан снова затянулся и выпустил густой сизый дым.

— А потом… — Он нахмурился. — Потом стало тихо. Слишком тихо. Даже ветер перестал завывать в снастях.

Где-то неподалёку лениво ругались грузчики. Вранек остановился возле портового склада и ткнул трубкой в сторону узкого переулка. В нескольких шагах от входа дежурили ещё двое стражников.

— Там всё и началось.

Декрес посмотрел в указанном направлении.

Узкий портовый закоулок — двоим не разойтись. С обеих сторон зажат глухими стенами. Серый булыжник под ногами покрывала каша из грязи и подтаявшего снега.

Солнце сюда почти не заглядывало, и даже в полдень там держалась тень. В глубине переулка снег почти не таял, словно холод задерживался там дольше положенного.

Присмотревшись, Декрес различил тела, лежавшие в бурой снежной жиже. В нос ударил металлический запах крови. Он бросил короткий взгляд на стражу.

— Капитан, попрошу вас и ваших людей остаться здесь.

Дальше — дело Инквизиции.

Уговаривать никого не пришлось. Ни один стражник не сделал и шага вперёд. Вранек коротко кивнул и принялся с удвоенным усердием пыхтеть трубкой.

Стражники крепче сжали древки копий. Один плотно поджал губы, другой тихо забормотал что-то себе под нос. Те двое, что сторожили вход, отступили на несколько шагов, пропуская инквизиторов.

— Магистр… — сипло окликнул Вранек. — Там ребята. Наши. Никто не смог… ну… зайти и вытащить.

Он осёкся и отвёл взгляд.

— Знаете, я в Жаннске всякого навидался. Но чтобы тени людей жрали — такого ещё не было.

Декрес понимающе кивнул. Живые важнее мёртвых.

Стражники увидели, что с их товарищами произошло нечто, против чего копья бесполезны, — и отступили. А потом так и не решились вернуться за погибшими.

По крайней мере, место осталось нетронутым.

Дознаватели осторожно вошли в переулок. По стенам от сосулек стекали тонкие струйки воды. Закоулок тянулся шагов на тридцать и упирался в небольшой пустырь, заваленный обломками бочек и ящиков.

— Сестра Селия, проверьте дальний выход и пустырь. Я осмотрюсь здесь.

Селия кивнула и молча двинулась дальше.

Декрес приложил кончики пальцев к влажной кладке. Ка-

мень оказался неожиданно холодным. Не просто сырым — ледяным, будто всю ночь пролежал под коркой льда.

Магистр закрыл глаза и тихо произнёс первую формулу распознавания. Через несколько мгновений в пальцах появилось слабое покалывание. Воздух едва заметно задрожал, словно от далёкого гула.

И вдруг всё оборвалось.

Стало тихо. Слишком тихо. Исчез стук молотков на верфях. Смолкли голоса. Даже капли, только что падавшие с сосулек, будто перестали достигать земли.

Декрес открыл глаза. Тень у стены дрогнула. Но не от света. И не от его движения. Она словно запоздало повторила жест, которого никто не делал.

Ледяная судорога прошла под рёбрами. Декрес резко отдёрнул руку. Тьма отделилась от стены. Она клубилась перед ним — густая, вязкая, похожая на дым, — и вытягивала тонкие медленно извивающиеся отростки.

— Селия, осторожно!

Декрес выхватил жезл. Облако рванулось к нему. Магистр направил импульс к навершию. Вспыхнула яркая тёплая искра. Тьма шарахнулась.

Свет.

Декрес едва успел это понять, прежде чем облако снова обрушилось на него. Мрак полез в лицо — в рот, в ноздри, в глаза. Холод перехватил дыхание. Воздух будто исчез. Декрес стиснул зубы и изо всех сил взмахнул жезлом. Свет

вспыхнул ослепительно ярко. Облако разорвалось надвое. Магистр судорожно вдохнул. Клубы ледяного дыма растекались по снегу, обвивая его ноги.

Сбоку ударил яркий луч, рассыпав по стенам цветные блики. Затем второй. Селия уже выводила следующий пас.

Декрес снова послал импульс в жезл. Переулок залило белым светом. Клочья тьмы заметались вдоль стен, забивались в щели между камнями, прятались под ящиками. Но света становилось всё больше.

Через несколько мгновений последний сгусток мрака растаял в воздухе.

Декрес шумно выдохнул и вытер пот со лба. Издалека, словно сквозь слой ваты, донеслись испуганные возгласы стражников. Селия уже была рядом и успела подхватить магистра, когда тот пошатнулся.

— Магистр… вы как?

В её голосе звучала тревога. Декрес слабо улыбнулся и опёрся о стену. Воздух со свистом вырывался из груди.

— Вовремя, сестра.

— Я старалась. — Селия улыбнулась. — Не только в Цитадели учат сражаться.

— В следующий раз постарайтесь на мгновение раньше, — выдохнул магистр.

Дознавательница усмехнулась.

Несколько минут Декрес переводил дух, пока Селия осматривала тела. В переулке лежали шестеро. Двое — стражники.

Магистр огляделся. Головорезы лежали ближе к пустырю. Двое — поперёк переулка, в нескольких шагах друг от друга. Ещё двое — дальше, головами к пустырю. Вокруг тел растеклись кровавые пятна. Возле двух валялись кинжалы. Третий всё ещё сжимал клинок. Чуть поодаль в сугробе утонула дубинка.

Похоже, драка была быстрой. И жестокой.

Декрес перевёл взгляд на стражников. Один погиб у самого входа. Второй успел пройти чуть дальше. Крови возле них не было. Оба по-прежнему сжимали копья.

Значит, они умерли иначе.

— Магистр, посмотрите, — позвала Селия.

Она сидела на корточках возле бандита с кинжалом. Декрес с усилием оторвался от стены и подошёл.

— Их лица…

Магистр склонился над мертвецом. Кожа выцвела до пепельного оттенка и напоминала промасленную бумагу, припорошенную золой. Глаза глубоко запали.

Остальные мертвецы, включая стражников, выглядели так же. Селия зажгла жезл и по очереди провела им над каждым из тел. Покачала головой.

Декрес вернулся к стене, откуда вырвалась темнота. Жезл засветился ровным тёплым светом. Магистр медленно провёл им вдоль кладки. В одном месте сияние слегка потускнело.

Декрес наклонился. Цемент между камнями раскрошился. В узкой щели лежал маленький черепок. Он осторожно извлёк находку.

Руны. Геометрическая вязь.

Декрес прошептал короткую формулу. Руны едва заметно вспыхнули. И погасли.

— Охранная вязь. Или её часть, — произнёс он. — Заклинание уже неактивно.

Подошедшая Селия покосилась на черепок.

— Его уничтожил свет?

— Возможно.

Декрес ещё раз рассмотрел руны и убрал находку в сумку.

— На пустыре что-нибудь нашли?

— Ничего, магистр. Остальной переулок тоже чист.

Декрес кивнул и направился ко входу. Селия последовала за ним.

— Теперь здесь безопасно, капитан. Можете забрать своих товарищей. — Он оглянулся на тела. — И остальных тоже. Мне нужно их осмотреть.

Вранек покачал головой и пробурчал ругательство. А затем гаркнул на подчинённых:

— Ну, слышали магистра? Чего стоите? Вы, трое — тащите тела сюда. Ты — за извозчиком. Живо!

Тела убрали быстро. Порт снова вернулся к привычному ритму — будто ничего не случилось.

Уже через час Декрес снова спускался по знакомым ступеням тюремного подвала. Сопровождающий толкнул створку, пропуская магистра внутрь.

Там уже был Вранек. Капитан покашливал и грыз мундштук погасшей трубки. На столах лежали четыре тела.

Магистр склонился над ближайшим трупом. Взгляд сразу зацепился за скрюченные пальцы и неестественно вывернутые конечности.

— Я должен спросить, капитан. — Декрес провёл кончиками пальцев по распухшему суставу. — Погибшие стражники выглядели так же?

— Похоже, магистр, — ответил Вранек, не вынимая мундштука изо рта. — Над ними уже работают…

Декрес попробовал разогнуть палец мертвеца. Тот не поддался. У бродяги со Старого пруда тоже были деформированы пальцы. Но иначе.

Инквизитор присмотрелся к лицу покойника. Глаза не просто запали — они словно высохли. Посеревшие веки глубоко ввалились в глазницы. Мертвец вцепился окоченевшей рукой в горло, будто перед смертью пытался вдохнуть.

Когда на Декреса обрушилась тьма, он тоже не мог дышать.

Из кожи покойника словно вытянули все краски. Ни розоватости, ни загара, ни даже обычной мертвенной синевы. Только ровный пепельно-серый оттенок.

Декрес перешёл к следующему телу. Здесь по серой коже расползлись синюшные пятна, особенно заметные на бесцветном фоне.

— Ну что там, магистр? — кашлянул Вранек. — Чего скажете?

— В переулке действовала теневая магия, — отозвался Декрес, не прерывая осмотра.

Он окутал ладонь сиянием и коснулся груди мертвеца. Свет тонкими ручейками разбежался по серой коже — и почти сразу померк.

— Здесь тоже.

Декрес сжал кулак, гася сияние. Капитан поморщился, глядя на ближайший труп.

— Сжечь бы вас поскорее… — пробормотал он едва

слышно. — Или закопать. Подальше в лесу…

Декрес бросил на него короткий взгляд, но ничего не сказал.

— След очень сильный. И до сих пор держится.

— Это сотворил человек?

— Вероятно. Кто-то спрятал в переулке черепок с рунами.

— Морок тебе в душу, — тихо выругался Вранек, а затем спросил громче: — Много таких умельцев?

Декрес покачал головой:

— К счастью, нет. Тень плохо прощает ошибки.

— Так где ж его искать? Мага уродского?

Магистр перешёл к следующему телу. Та же серая кожа, те же глубоко запавшие глаза.

— Пока не знаю, капитан. Если воздействие повторится в большем масштабе, у нас хотя бы появится больше материала.

Вранек неожиданно замер и вынул трубку изо рта. Несколько секунд он молчал, а затем наклонился, вглядываясь в руку мертвеца.

— Зато, магистр, я знаю, чьих шавок он ушатал.

Декрес выпрямился и с удивлением посмотрел на капитана. Сопровождавший его стражник тоже шагнул ближе.

Вранек снял со стены щипцы, поддел ими руку трупа и перевернул запястьем вверх. На серой коже проступала татуировка в виде перекрещённых молний.

— Видите? — довольно хмыкнул капитан. — Хмыри

Фантома Гамильтона. Этот подонок нам уже поперёк горла стоит.

— С кем они могли драться?

Декрес перешёл к четвёртому телу и повторил диагностику. Всё то же самое.

Вранек повесил щипцы на место.

— Если вы закончили, магистр, лучше продолжим разговор наверху.

— Закончил, — ответил Декрес, выпрямляясь.

Но поговорить сразу не вышло. Вранеку пришлось заняться погибшими: распорядиться о передаче тел родным, составить рапорты и проследить, чтобы товарищей проводили с положенными почестями. Капитан метался между подвалом и караульной, кашлял, ругался и уже не выпускал из зубов погасшую трубку.

К вечеру тела бандитов осмотрели окончательно и отправили на сожжение. Разговор о Гамильтоне пришлось отложить до утра.

На следующий день Куго Декрес отправился в штаб городской стражи.

Штаб занимал старое каменное здание с узким внутренним двором. Внутри пахло мокрой шерстью, табаком и печным дымом; по коридорам сновали стражники, хлопали двери и перекликались дежурные. Декрес представился у входа, и его проводили по скрипучей лестнице на второй этаж, к кабинету Вранека.

Едва распахнулась дверь, как глаза магистра заслезились, а горло сдавило спазмом. Сизый дым густыми клубами висел под потолком, запах табака намертво въелся в каменные стены.

— Доброе утро, магистр! — прозвучал из пелены голос Вранека. — Проходите.

За дымной завесой Декрес не сразу разглядел фигуру капитана. Остановившись на пороге, он разогнал ладонью дым перед лицом.

— Капитан, вы не могли бы открыть окно?

Вранек несколько секунд молча смотрел на гостя, словно тот попросил разобрать стену. Потом с кряхтением поднялся и распахнул створку.

— Как скажете. Только если я к вечеру околею, запишем это на Инквизицию.

Ледяной ветер ворвался в кабинет. Спустя пару минут там стало возможно дышать. Вранек вернулся на место и недовольно поёжился — сквозняк бил ему прямо в лицо.

Дариэль Вранек восседал за массивным, но изрядно побитым деревянным столом. Декрес машинально отметил царивший там беспорядок: бумаги были свалены небрежной кучей, среди них торчали газетные вырезки и распечатанные конверты. В углу стояла пустая чернильница. Вторая, рабочая, кренилась прямо посреди бумаг, грозясь в любой момент опрокинуться. Капитан не переставал пыхтеть трубкой, а жаровня в углу только добавляла дыма.

Интересно, как Вранек ещё не сжёг пару важных документов, размахивая над ними горящей трубкой? А может, уже сжёг — в этом хаосе концов всё равно не найти.

Позади капитана висели две карты: Жаннска и всей Варенсии.

— Так, значит, про Фантома Гамильтона хотите знать? — спросил Вранек, роясь в бумагах. — Эту паскуду мы давно знаем.

Он наконец выудил какой-то лист, несколько секунд изучал его, поморщился, скомкал и швырнул в жаровню. Промахнулся.

— Везде гад корни пустил. Здесь, в Дивносаде, Морок знает где ещё.

— В Дивносаде? — переспросил магистр, услышав знакомое название.

— И там тоже. Его шавки почти по всей Варенсии расползлись.

Декрес проследил взглядом за бумажным шариком, который сквозняк медленно катил по полу.

— Чем занимается его организация?

Вранек выпустил ещё одно колечко дыма:

— Контрабандой в основном. У нас для этого раздолье: реки, протоки, затоны. Пока на одной пристани стража ждёт, товар уже по другой реке в соседнее княжество уплыл.

— И что они возят?

— Да всё, на чём можно не заплатить пошлину. — Вранек

побарабанил пальцами по столу. — Позавчера накрыли их подвал у Рыбного ряда. Три ящика таремского шёлка, мешок необработанных гранатов, две бочки алхимического спирта. Ещё шестьдесят банок красильного порошка. Последний мне особенно понравился: по бумагам партия из порта вообще не выходила.

— Звучит как самый обычный товар.

— Вот именно. — Вранек усмехнулся. — Скука смертная. Никакой скверны, проклятых идолов и прочей дряни, от которой у вас работа появляется. Просто товар, с которого кто-то очень не хотел платить князю.

Декрес задумался. Люди Гамильтона, похоже, действительно таскали самые обычные грузы в обход таможни. И всё же кто-то убил четверых из них с помощью чрезвычайно сильной теневой магии.

— У Гамильтона есть серьёзные конкуренты?

Вранек хмыкнул.

— Конкуренты? Магистр, здесь каждый второй рыбак хоть раз провёз что-нибудь мимо пошлины. Если считать всех — бумаги не хватит.

— Тогда враги.

— А вот врагов у него хватает, — капитан ткнул трубкой в сторону Декреса. — Другие шайки, мелкие перевозчики, те, кому он дорогу перешёл. Да и мы, если уж на то пошло. Гамильтон много кому поперёк горла встал.

Он снова затянулся.

— Через наши протоки кого только не таскают. Товар, оружие, людей. Слышал, даже ваших беглых подопечных иногда переправляют.

Декрес вспомнил случаи, когда преступники, скрывавшиеся от Очищения, бесследно исчезали где-нибудь в речных землях.

— Шайки разные — морды те же. Считают Жаннск богатой кормушкой. — Взгляд Вранека погрустнел. — И ведь правы, паскуды. Потому сцепиться они могли с кем угодно.

— Не с кем угодно.

Капитан вопросительно поднял кустистую бровь.

— С кем-то, кто владеет теневой магией достаточно хорошо, чтобы оставить после себя то, что мы видели вчера. Причём вы о таком человеке ничего не знаете.

— А должен?

— Если он связан с местной контрабандой — вероятно.

Вранек недовольно засопел, но спорить не стал.

— Таких умельцев мне не попадалось. Зверушек волшебных в порту ловили. Оружие бывало… всякое. Один раз ящик открыл — потом месяц волосы на руке не росли. Но чтобы кто-то тенями людей душил — нет.

Он помолчал, постукивая мундштуком по зубам.

— Да и если бы Капитул кого-то такого вычислил, я бы, скорее всего, знал. Скверна — ваша забота, но если она приезжает в город на барже без пошлины, становится ещё и моей.

Декрес задумчиво посмотрел на карту за спиной капитана.

В самом центре Бирейна действовал некто, владевший опасной теневой магией. Под самым носом у Капитула, княжеских властей и городской стражи — и никто прежде о нём не слышал.

Значит, либо этот человек появился недавно, либо до сих пор очень хорошо скрывался.

— Банды делят между собой город? — спросил Декрес. — Территории, причалы?

— Конечно. Гамильтон, как я говорил, Дивносад под себя подмял. В порту всё сложнее: сегодня один склад чей-то, завтра уже чужой. За хорошие причалы друг другу глотки режут.

Вранек вдруг замолчал. Несколько раз пыхнул трубкой. Потом медленно вынул её изо рта.

— Погодите-ка…

Декрес посмотрел на него. Капитан нахмурился и повернулся к карте Жаннска.

— В том переулке ведь раньше не дрались.

— Совсем?

— Да чтоб я помнил хоть одну стычку. — Вранек поднялся и ткнул мундштуком куда-то в портовый квартал. — Здесь режутся постоянно. Здесь склады делят. У Рыбного ряда тоже весело бывает. А вот этот кусок…

Он замолчал, разглядывая карту.

— Тихий, — наконец произнёс Декрес.

— Чересчур тихий, — буркнул Вранек.

Несколько мгновений оба смотрели на карту. Капитан медленно провёл трубкой вдоль нескольких улиц.

— Вот же мороковы дети…

— Что?

Вранек повернулся к магистру.

— А если там не потому никто не дрался, что место никому не нужно? — Он ткнул мундштуком в карту. — А потому что все прекрасно знали, чьё оно.

Декрес снова посмотрел на отмеченный участок порта.

— Значит, люди Гамильтона могли зайти на чужую территорию.

— И хозяину это не понравилось, — закончил Вранек.

Некоторое время тишину нарушал только шелест бумажного шарика, катящегося по полу.

— Буду откровенен: к Фантому мы уже подобрались близко, — губы Дариэля искривились в усмешке. — Знаем его людей, склады, где товар принимает, через кого сбывает. Вот только самого гада изловить никак не выходит.

— Почему?

Вранек поморщился, явив миру жёлтые зубы.

— Знали бы, где он точно сидит, давно бы накрыли. Пару дюжин ребят, с трёх сторон зайти — и конец сказке. А так пригонишь бойцов, оцепишь улицу, вышибешь дверь — а там пусто. Только кружка тёплая на столе. — Капитан зло

прикусил мундштук. — Предупреждает его какая-то мразь.

— Кто?

— А Морок его знает. По улицам полно отребья шляется. Глазами хлопают, сопли жуют — а потом бегут куда надо и докладывают. — Вранек нахмурился. — Или у меня самого крыса завелась.

Он сжал кулак и шарахнул по столу. Чернильница опасно качнулась, выплеснув каплю на бумаги.

— Знал бы какая — давно бы за шкирку вытащил.

Декрес поджал губы. Крысы находились везде.

— Вы кого-нибудь подозреваете?

— Если бы подозревал, магистр, мы бы сейчас не о Гамильтоне разговаривали.

Капитан выпустил клуб дыма и неожиданно усмехнулся.

— Но и мы не совсем слепые.

Декрес вопросительно посмотрел на него. Вранек некоторое время грыз мундштук и барабанил пальцами по столу. Струйки дыма лениво утекали в распахнутое окно. Наконец капитан подался вперёд и понизил голос:

— Скажем так: я иногда узнаю, что творится у Фантома, раньше, чем его шавки успевают это обсудить между собой.

Декрес вскинул брови.

— У вас есть человек внутри?

Вранек поднял ладонь.

— Вот этого вопроса я как раз не слышал.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга. Затем

Декрес понимающе кивнул. Значит, у капитана имелся источник достаточно близкий к людям Гамильтона. Кто именно — сейчас неважно.

— Хорошо. Бандиты и контрабандисты — ваша работа, капитан. Меня интересует не сам Гамильтон.

Вранек выжидательно смотрел на гостя.

— Мне нужно понять, с кем его люди столкнулись в порту.

— Потому я вас и позвал. Если мои что-нибудь накопают — узнаете.

Теперь уже Декрес наклонился вперёд.

— Тогда у меня будет ещё одна просьба. Если у вас появится возможность взять самого Гамильтона — прежде чем действовать, сообщите мне.

Вранек перестал жевать мундштук.

— Это ещё зачем?

— Его люди только что столкнулись с неизвестным теневым магом. Если Гамильтон решит ответить, он начнёт искать его так же, как мы.

Капитан несколько секунд молчал, а потом медленно положил трубку на стол.

— Погодите. — Он прищурился. — Вы хотите, чтобы я наконец поймал эту сволочь за задницу — и отпустил бегать дальше?

— Если обстоятельства позволят — ненадолго.

— Ненадолго, — повторил Вранек с таким выражением, словно пробовал слово на вкус и оно оказалось тухлым. —

Магистр, я за этим гадом не первый год гоняюсь. Он людей покупает, стражников режет, товар через город тащит. А вы предлагаете, если он сам полезет в капкан, дверцу не захлопывать.

— Я предлагаю посмотреть, куда он побежит.

Вранек мрачно уставился на него.

— А если, пока мы смотрим, кто-нибудь ещё ляжет?

Декрес выдержал его взгляд.

— Если возникнет непосредственная угроза людям — действуйте. Я не прошу вас жертвовать городом ради расследования. Но если у нас будет возможность проследить за Гамильтоном, не спугнув его, я хочу этой возможностью воспользоваться.

Капитан шумно выдохнул через нос и снова взял трубку.

— А его враг, значит, опаснее?

— Я не знаю.

— Отлично, — буркнул Вранек. — Сразу спокойнее стало.

Декрес едва заметно улыбнулся.

— Но я видел, что осталось в том переулке. И не хочу ждать следующего случая, чтобы узнать больше.

Усмешка исчезла с лица капитана.

Несколько секунд он молчал, сгребая разбросанные бумаги в одну кучу. Потом откинулся на спинку стула.

— Ладно. Если Фантом высунет нос — сначала дам знать вам. Если будет время. — Вранек ткнул трубкой в сторону

магистра. — Но если этот гад даст мне повод брать его здесь и сейчас, я ваших теневых колдунов ждать не стану.

— Справедливо.

— А если мои люди узнают, с кем фантомцы сцепились в порту, получите весточку первой же птицей.

— Благодарю, капитан.

Повисло молчание. Вранек задумчиво посмотрел в окно и выпустил очередной клуб дыма.

— В Жаннске всё рано или поздно всплывает, магистр, — проговорил он. — Как дохлая рыба.

Декрес коротко кивнул. Капитан покосился на него и сокрушённо добавил:

— Паскудная у вас работа.

Декрес развёл руками.

— Ваша, насколько я вижу, немногим лучше.

Вранек хмыкнул.

— Зато у меня преступники людей тенями не жрут. Обычно.

Сарейн

Хмурое небо нависло над раскисшим трактом. Прямо перед глазами раскачивались первые серёжки ольхи. Сарейн переставил ногу. Сапог с хлюпающим стоном увяз в чёрной жиже. С раннего утра моросил мелкий дождь. Казалось, на дворе глубокая осень, и только весёлый щебет птиц напоминал, что сейчас всё-таки весна.

Он уже не первый день был в пути. Полы плаща заметно обтрепались, а одежду до самого пояса покрывали пятна грязи.

Весна выдалась полноводной. Реки повсеместно вышли из берегов, превратив поля, деревни и дороги в одно вязкое болото.

Сарейн рассчитывал выйти к восточному тракту Ренваля и пристать к одному из купеческих обозов. Зимой он уже сопровождал такой караван, но весенний паводок надолго оставил ренвальских торговцев без дохода. Значит, и наёмникам рассчитывать было не на что.

В более богатых землях к юго-востоку шансов найти работу должно быть больше. Пока же впереди тянулась распутица, а кошелёк с каждым днём становился легче. Минуя очередную затопленную деревню, Сарейн всё чаще думал, что скоро придётся отложить меч и взяться за лопату. Или за молоток.

Два дня назад лесная дорога нырнула в неглубокую долину. И исчезла. Вправо и влево тянулась мутная водная гладь, из которой торчали стволы деревьев. В сотне шагов над водой едва виднелись верхушки столбов. Кажется, там раньше был мост.

Сарейн решил обойти разлив, а затем снова выйти к дороге. Свернув к югу и промесив несколько часов по грязи, он наконец нашёл новую тропу.

После двух холодных ночёвок лес расступился, и наёмник вышел к деревне. Он остановился на опушке и хмуро огляделся.

В Ренвале дома красили в яркие цвета и украшали резными ставнями. Здесь же стояли покосившиеся некрашеные хибары. Между ними устало бродили исхудавшие люди в лохмотьях.

Завидев чужака, местные настороженно уставились на него. Никто не подошёл.

Сарейн медленно двинулся между домами, разглядывая деревню. Взгляд зацепился за пучок соломы, подвешенный над дверью ближайшей лачуги. Его перетянули бечёвкой и густо посыпали пеплом.

Ветер раскачивал оберег, понемногу стряхивая пепел на землю. Такие же висели ещё над тремя дверями. Неподалёку несколько женщин сидели на брёвнах и плели новые.

Наёмник нахмурился. Он уже видел подобное. Когда людям становилось совсем худо, они начинали просить стойко-

сти у Эльсеры. Как будто Госпожа Пепла могла вместо них залатать крышу или вспахать поле.

Похоже, здесь помощи от людей уже не ждали.

Сарейн поморщился. Можно подумать, от духов было больше толку.

Помедлив, наёмник шагнул к женщинам. Услышав шаги, те подняли головы. Две сразу вскочили, и солома посыпалась в грязь.

— Что это за деревня? — спросил Сарейн, остановившись в нескольких шагах.

Женщины испуганно смотрели на него. Наконец одна пролепетала:

— Ольшанка…

Сарейн озадаченно почесал затылок и посмотрел вдоль дороги. Название ни о чём ему не говорило.

— Как выйти к ближайшему тракту?

Крестьянки переглянулись. Самая молодая едва слышно ответила:

— По этой дороге три дня пешком. В Вострице перекрёсток. Там тракт на Динград…

— Динград?

Сарейн изумлённо приподнял брови и снова оглядел дома. Кажется, их не красили не только из-за нищеты. В Динградском княжестве вообще не было принято красить дома.

— Это не Ренваль? — на всякий случай уточнил он.

Одна из женщин хихикнула. Остальные тоже заулыба-

лись.

— Ренвальская граница в двух днях к северу, господин…

Сарейн оглянулся на пройденный путь. Снова лезть через затопленный лес в надежде вернуться обратно? В следующий раз можно и не выйти, застряв навсегда посреди топи.

Глубоко вздохнув, он зашагал дальше. В нищих землях Динграда найти работу будет куда сложнее. Но на тракте будет хоть какая-то возможность.

У самого выхода из деревни Сарейн заметил мужчину, сидевшего возле полуразвалившегося дома. В десятке шагов от порога плескалась вода. Крестьянин плёл из соломы такую же фигурку, что болтались и на других домах.

Сарейн почувствовал, как под рёбрами кольнул знакомый холод. Он остановился, глядя на крестьянина.

— И это всё? — бросил наёмник. — Сидеть и ждать, пока вода уйдёт?

Мужчина вздрогнул и поднял глаза на чужака. Сарейн отвернулся. Ждать он никогда не умел. Особенно когда речь шла о спасении собственной шкуры.

Слабые.

Глубже натянув капюшон, он зашагал прочь.

Впереди, за полем, темнел лес. Оказавшись под сенью деревьев, Сарейн хмыкнул. Дорога здесь оказалась суше. Уже что-то хорошее.

К вечеру впереди показался просвет.

Промокший и уставший, Сарейн заметил тонкие струй-

ки дыма, едва различимые на фоне серого неба. Ветер донёс ржание лошадей. Преодолев невысокий холм, наёмник увидел внизу крыши домов и облегчённо выдохнул.

Восточная часть долины, дальняя от тракта, была затоплена. Некоторые дома стояли в воде по самое крыльцо. Поселение оказалось заметно крупнее Ольшанки. И дома здесь выглядели приличнее. Может, и постоялый двор есть?..

Сарейн медленно спустился с холма и оказался среди домов.

Ветер, налетевший с реки, принёс запах тины, дыма и жареного мяса. Желудок болезненно свело. Сарейн повернулся на запах.

У самой кромки воды был сложен большой костёр. Рядом в землю вбили столб, на котором развевались рваные тряпки. Над огнём на вертеле жарился поросёнок. С десяток человек столпились вокруг кострища, монотонно повторяя:

— Отступи от нас, Бурлящий!

— Матерь Рек, останови ярость сына!

Сарейн вздохнул. Угощение предназначалось не людям, а суровому богу паводка. Второй раз за день под рёбрами шевельнулся холод. Что-то внутри него тоже наблюдало за обрядом. Сарейн остановился.

— *Не того зовёте,* — шепнули его губы.

Он поморщился и пошёл дальше.

Миновав несколько домов, Сарейн заметил двух лошадей под добротными сёдлами. Животные были привязаны возле

двухэтажного дома с замызганным крыльцом. Доски покрывал тонкий слой ила, а над дверью висела вывеска: «Хитрый линь».

Таверна. Сарейн толкнул хлипкую створку. В нос ударила смесь затхлости и дешёвого пойла. Сквозь грязные окна едва проникал дневной свет.

За одним из столов сидели мужчина и женщина. Услышав стук двери, мужчина повернулся и окинул вошедшего оценивающим взглядом. Сарейн ответил тем же. Незнакомец отвернулся.

Других посетителей не было.

Усатый трактирщик соскребал ножом плесень со столешницы. Завидев посетителя, он вскочил и расплылся в улыбке, вытирая руки о грязный передник.

— Приветствую, добрый человек! — Хозяин шагнул навстречу.

Куда там добрый…

— Койка найдётся? — буркнул Сарейн. — И поесть.

— А то как же! Найдётся! — радостно закивал трактирщик.

Хозяин засуетился.

Сарейн насупился. Крыша над головой и горячая еда после двух ночей в лесу и вяленого мяса казались почти роскошью.

Только наутро кошелёк станет ещё легче.

Он плюхнулся за дальний стол и откинул капюшон. Мок-

рые чёрные волосы прилипли ко лбу. Сарейн снова покосился на парочку.

Оба средних лет. Сидят слишком прямо. Добротная дорожная одежда. Русые волосы женщины украшала тонкая диадема с зеленоватым камнем. Она отрешённо смотрела перед собой, обхватив ладонями глиняную кружку. На пальце мужчины поблёскивал массивный перстень. Дворяне. Не слишком знатные, раз остановились в такой дыре.

Трактирщик с тихим стуком поставил перед Сарейном дымящуюся похлёбку. В жидком бульоне плавали какие-то ошмётки.

Сойдёт.

Следом появилась кружка с пенной шапкой. Сарейн кивком поблагодарил хозяина.

Тот поспешно улыбнулся — и покосился на дверь.

Уголок его рта дёрнулся.

Сарейн прищурился. Кружка замерла на полпути к губам.

Раздался треск.

Дверь распахнулась, с грохотом ударившись о стену. Внутрь ворвался промозглый ветер.

Трактирщик шарахнулся и задел кружку. Пиво выплеснулось на стол. Дворяне вздрогнули и повернулись ко входу.

Хозяин испуганно смотрел на зияющий проём. Сарейн поставил наполовину опустевшую кружку на стол и поднял на него глаза.

— Ты моё пиво разлил. Замени.

Трактирщик не сдвинулся с места. Сарейн нахмурился.

В таверну вошли четверо.

Трое средних лет, один помоложе. Поношенная грязная одежда. Усталые осунувшиеся лица, злые глаза. Один заметно шатался. Даже с другого конца зала Сарейн уловил запах перегара.

Мужчины остановились у порога, исподлобья разглядывая посетителей. Через несколько мгновений первый двинулся к дворянам, шаркая по грязному полу.

Женщина крепче вцепилась в кружку. Мужчина потянулся к поясу. Местный остановился возле их стола.

— Здесь вам не княжий стол, — глухо проговорил он. — Поднялись — и пошли.

Пара не шелохнулась.

Остальные трое подошли ближе. Трактирщик попятился в дальний угол, окончательно забыв про разлитое пиво.

Сарейн сердито покосился на него. Дворянин злобно смотрел на головорезов. Его спутница прижала кулак к груди. Из угла донеслось причитание трактирщика.

Вожак сделал ещё один шаг.

— Тут у людей дети голодные, — прошипел он. — А вы сидите, жрёте.

Сарейн перевёл взгляд на четверых. Пока только хамят. У дворянина за поясом торчал кинжал.

Сами разберутся.

Он вернулся к похлёбке.

— Я ещё не спрашивала дозволения у деревенского сброда, — вдруг отчеканила женщина.

Её спутник едва заметно качнул головой. Женщина смотрела на местных широко распахнутыми, словно остекленевшими глазами. Костяшки сжатых пальцев побелели.

Тишина стала плотнее.

Даже трактирщик замолчал и теперь выпученными глазами наблюдал за происходящим. Четверо тяжело дышали. Дверь тихо поскрипывала на петлях.

Грохот.

Порыв ветра захлопнул створку. Четверо дёрнулись. Дворяне резко вскочили. Теперь их от местных отделял стол.

— Гнилогрыз сраный! — заорал один из мужиков и рванулся вперёд, пытаясь перепрыгнуть стол.

Стол опрокинулся. Во все стороны брызнула похлёбка. Тарелки и кружки с грохотом покатились по полу. Мужик шлёпнулся прямо в объедки.

— Пепел тебе в глотку, урод! — проорал он с пола.

Его молодой приятель хихикнул. Вожак метнул на него яростный взгляд.

Сарейн ощутил на лице горячие капли. Он медленно стёр похлёбку со щеки и с грохотом отодвинул кружку. Все посмотрели на него. Молодой осклабился. Вожак тяжело дышал. Упавший с кряхтением поднимался, отряхивая одежду от объедков.

— С белоручками припёрся? — процедил молодой.

Сарейн оглядел четверых. Пьяный не опасен. Молодой слишком часто косится на остальных. Полезет первым, если будет уверен, что его поддержат. А вот вожак стоит крепко. Вес распределён ровно на обе ноги. С этим лучше не зевать.

— Тебе какое дело? — буркнул Сарейн.

Парень нахмурился и подошёл к его столу.

— Ты кто такой вообще? — просипел он, наклоняясь к ренвальцу.

Сарейн поднял голову и несколько мгновений смотрел ему в глаза.

— Тот, кому ты есть мешаешь.

Знакомый холод поднялся из-под рёбер. На этот раз Сарейн не стал его удерживать.

Пламя факела дёрнулось. Изо рта парня вырвалось белое облачко. Он поёжился. Тени под столами сгустились.

Молодой сглотнул и невольно отступил на шаг. Потом ещё на один. Позади раздались смешки.

— Эй, бродяжку испугался?

Вожак и воняющий похлёбкой мужик двинулись к нему. Следом, волоча ноги, поплёлся пьяница. Молодой остался на месте. Трое остановились рядом с ним и уставились на Сарейна.

Ренвалец прищурился. Тонкая ледяная игла всё сильнее впивалась изнутри груди.

— Мало вас, — проронил он. — Не советую.

Вожак шагнул вперёд — и замер, не опустив ногу.

Пламя факела сжалось, оставив едва тлеющий фитиль. Из ближайшего угла поползла темнота.

— Оставь его… — просипел кто-то из четверых.

Вожак шумно втянул воздух и медленно опустил ногу. Его взгляд заметался между подельниками, дворянами и Сарейном.

В тусклом свете блеснул металл — дворянин выхватил кинжал.

— Корнеед затонный!.. — прорычал вожак и сплюнул под ноги.

Он развернулся, махнул сообщникам и направился к выходу, то и дело зыркая то на Сарейна, то на трактирщика в углу.

Через несколько секунд дверь за четвёркой захлопнулась. Сарейн проводил их взглядом, затем повернулся к трактирщику.

— Пиво замени.

— За мой счёт, — прозвучал голос дворянина.

Он убрал кинжал и с улыбкой посмотрел на ренвальца.

Теснота

Солнечные пятна легли на столешницу и раскрытую папку. Несколько листов уже были сложены внутрь; ещё один Иантис держал в руках. В центре красовалась сложная диаграмма.

Они признали формулу — и тут же запретили её. Что это за признание?

Он ещё некоторое время разглядывал рисунок, затем положил лист к остальным. Отдать расчёты означало признать, что университет вправе решать, существуют они или нет.

Иантис закрыл папку и убрал её в приготовленную коробку. Следом отправились тетради из ящика — одна за другой, пока на самом дне не остался только смятый блокнот, залитый чаем и реактивами.

Иантис достал его и медленно раскрыл. Записи отличались от тех, что были в папке: размашистый почерк, кривые строчки, случайные заметки.

Он перевернул страницу. Диаграмма. Почти такая же, как на листе из папки. Только эта — последняя. Исправленная уже после опыта. Иантис захлопнул блокнот и огляделся.

На полке среди его вещей лежал старый учебник математики, которым он не пользовался со второго курса. Иантис вскочил и схватил книгу. Убрав блокнот между страницами, он спрятал фолиант в сумку. Учебник всё равно годами ле-

жал без дела.

Чуть позже он отнёс коробку с материалами в архив. Там на неё сразу поставили печать и унесли в недра подвала. Иантис отправился домой.

Учебник математики остался лежать в сумке.

По дороге домой Иантис несколько раз нащупывал сквозь ткань сумки тяжёлый корешок учебника.

Это не сокрытие материалов. Это мои личные черновики. В приказе ректора ничего не сказано о личных черновиках.

В свою лабораторию он больше не вернулся. Теперь её у него не было. Работать он мог только под чужим контролем. Каждую неделю приходилось составлять отчёт. Эксперименты по секундам, расход реактивов по граммам.

Бумага пожирала время. Чужой взгляд царапал кожу.

Льен предложил новый проект. Активизировать процессы свечения в полной темноте. Осветить глубокие шахты. Горняки были готовы вкладываться в разработку. Если всё получится, проект принесёт университету деньги, а шахтёрам — безопасный свет.

Иантис согласился. Проект был разумным. Полезным. Даже перспективным.

Просто это не умбраин.

Однажды Иантис отмерял реактив. За спиной стоял старый Барис, внимательно заглядывая ему через плечо. Стрелка весов наконец замерла.

— Сколько? — послышался скрипучий голос.

Иантис скрипнул зубами:

— Пять граммов.

Барис царапнул карандашом в блокноте. А затем указал на склянку с голубым содержимым, стоящую на верхней полке.

— Дальше бери кларийскую соль.

Иантис закрутил банку с порошком.

— Можно сначала взять… — начал он.

— Ты протокол читал? — оборвал его Барис. — Что там написано следующим…

— Кларийская соль… — буркнул Иантис.

— Вот и бери её! — отрезал старик. — Вздумал тут менять последовательность.

Иантис насупился, но не ответил. Над губой выступил пот. Спустя минуту его рука дрогнула, и голубоватая соль просыпалась мимо.

— Осторожнее, Белтрок, — недовольно бросил Барис. — Теперь всё заново взвешивать.

Собирая соль обратно, Иантис с трудом удержался, чтобы не швырнуть её в лицо своему надзирателю.

Так проходили дни.

Возвращаясь домой после дня, проведённого под присмотром Бариса, Иантис зацепился взглядом за вывеску. Кабак. Изнутри доносились музыка и весёлый смех.

Люди топят тоску на дне бутылки. Он остановился пе-

ред входом, не решаясь зайти. Из дверей вывалилась весёлая компания.

Иантис проводил их взглядом и продолжил путь.

Дома он достал старый блокнот и взял в руки карандаш. Какое-то время просто смотрел на записи.

Затем исправил последнюю формулу.

Селия смотрела на него круглыми глазами. В кабинете повисло молчание, нарушаемое лишь цокотом копыт за окном. Наконец дознавательница откашлялась.

— Простите, магистр… Кажется, я ослышалась.

Декрес выдержал её взгляд. Такой реакции стоило ожидать.

Разговор с Вранеком натолкнул его на мысль, которую он с тех пор успел обдумать со всех сторон. У капитана был свой человек среди людей Гамильтона — но этот канал вёл только в одну банду. Неизвестный тёмный маг мог принадлежать к любой из десятков группировок, деливших Жаннск и окрестности.

Заставить преступный мир говорить почти невозможно. Зато можно сделать так, чтобы он сам пришёл разговаривать.

— Понимаю, как это звучит, сестра, — спокойно произнёс Декрес. — Но это может сработать.

Селия поджала губы.

— Вы хотите, чтобы я… продалась?

Магистр устало откинулся на спинку кресла.

— Нет. Я хочу, чтобы все решили, будто вы готовы продаться. Это несколько разные вещи.

— Несколько? — Селия всплеснула руками. — Магистр, вы предлагаете мне брать взятки у людей, связанных со

скверной!

— Под нашим контролем.

— Они об этом знать не будут!

— В этом и состоит смысл.

Селия резко выдохнула и отвернулась. Щёки её заметно покраснели.

— Репутация Инквизиции — тоже оружие, магистр. Если по Жаннску поползут слухи, что дознавателя можно купить, обратно вы их уже не соберёте.

Вот это возражение Декрес считал куда более весомым.

— Поэтому слух не поползёт по всему Жаннску. Мы дадим ему направление. Очень осторожно. Несколько человек узнают, что к вам якобы можно обратиться за определённую плату. Один расскажет другому, тот — третьему. Рано или поздно придёт кто-нибудь, кому действительно есть что скрывать.

Селия нахмурилась.

— А мы его арестуем.

— Не обязательно сразу.

Она резко повернула голову к начальнику.

— Ещё лучше!

— Если схватим первого же человека, легенда проживёт один день. Мне нужны не мелкие контрабандисты, сестра. Мне нужен путь дальше.

Селия несколько мгновений молчала, переваривая услышанное. Затем опустила взгляд и принялась теребить край

плаща.

— А деньги?

Декрес слегка заметно приподнял бровь.

— Вот что вас беспокоит, сестра?

— Меня беспокоит всё, магистр. Но деньги особенно. Я не собираюсь потом объяснять ревизорам, откуда в моём столе мешок чужого золота.

— Каждая монета будет учтена отдельным протоколом.

— И кто его потом увидит?

— Я. И тот, кому придётся его увидеть, если операция закончится неудачей.

Селия поморщилась, но край плаща наконец выпустила.

— Я не уверена, что смогу убедительно изображать продажного дознавателя.

На губах Декреса появилась лёгкая улыбка.

— Именно поэтому я и выбрал вас. Человеку, которому действительно нравится брать деньги, я бы эту роль не доверил.

Селия фыркнула и сложила ладони на коленях.

— Допустим. Но меня здесь знают много лет. И прекрасно знают мою репутацию. С чего вдруг кто-нибудь поверит, что Селия Брандис решила торговать полномочиями?

Улыбка магистра стала чуть заметнее.

— А вот с этим как раз проще всего. Вы давно служите в Жаннске. Несколько лет фактически руководили Капитулом. А потом из Кастеллиума прислали человека, который

занял место, вполне способное достаться вам.

Селия несколько секунд смотрела на начальника. Потом уголки её губ медленно поползли вверх.

— Есть на что обидеться, магистр…

— Вот видите. А я ещё даже не начал вас притеснять.

Следующим же приказом Декрес назначил Селию разбирать чужие отчёты и составлять ведомости.

Через неделю пришло донесение из Бирии: янтарные прииски атаковали полчища огромных муравьёв. Обычно по таким делам выезжала Селия. На этот раз магистр отправил Брависа.

Сестра была недовольна. К счастью, притворяться ей почти не приходилось — и в Капитуле это заметили.

Несколько дней спустя Куго Декрес снова вернулся к старому делу.

Поместье семьи Кили находилось близ Дивносада — всего в дне пути от Жаннска.

Апрельское солнце щедро заливало землю, уставшую от зимы. Сквозь прошлогоднюю листву уже пробивалась молодая трава, жёлтые цветы мать-и-мачехи вспыхивали среди коричневого подлеска. Местами голубые пятна пролески соседствовали с последними островками снега. На деревьях набухали почки, а к вечеру с них разливалось пение дроздов.

Покинув карету, магистр вдохнул полной грудью, подставив солнцу усталое лицо. Вознице он приказал ждать до рассвета.

Дивносад оказался небольшим городком в излучине Бирюсы, на восточном тракте. Сады теснились между домами, тянулись вдоль улиц и спускались к реке. Возница рассказал по дороге, что местные плоды известны далеко за пределами речных земель.

Декрес с удовольствием шёл по узким улочкам городка. Из-за голых деревьев они казались почти прозрачными. После мрачного и шумного Жаннска Дивносад выглядел тихим, почти безмятежным. Магистр неспешно вышел к Приречной площади, где тянулись торговые лавки.

Там уже раскладывали прошлогодние запасы — бочонки сидра, сушёные яблоки, банки тёмного варенья. За спиной Декрес слышал перешёптывания. Местные знали, что означает инквизиторский плащ.

На площади он заметил двух стражников. Один привалился спиной к столбу и лениво наблюдал за прохожими. Второй считал ворон в небе. Магистр направился к ним.

Первый скользнул взглядом по Декресу, не сразу сообразив, кто перед ним. И вдруг оторвался от столба, толкнув локтём напарника. Оба вытянулись.

— Без церемоний, господа. Я здесь по делу.

Стражники переглянулись.

— Господин инквизитор! — выпалил первый и зачем-то отдал честь.

Декрес поморщился.

— Я же сказал — без церемоний. Я ищу старое поместье

в окрестностях города.

— Какое? — спросил второй, поправляя каску.

— Поместье семьи Кили.

Повисло молчание. Второй стражник приоткрыл рот, а первый переступил с ноги на ногу.

— Так там же никого…

— Верно, — спокойно ответил Декрес. — И не должно быть. Я хочу осмотреть поместье. Подскажете дорогу?

Первый покрепче перехватил копьё.

— Господин инквизитор… туда не ходят. Место дурное. Проклятое.

Декрес снисходительно улыбнулся.

— Посещение проклятых мест входит в мои обязанности. Так где оно?

— Оттуда сорняки по округе ползут, — неожиданно заговорил второй. — Люди говорят, по ночам там ветки скребутся. Будто ищут кого. — Он сглотнул. — Давеча один лихой туда сунулся. На спор. Через неделю собаки в лесу сапоги его нашли.

Парень понизил голос:

— А самого его — нет.

Несколько прохожих уже остановились неподалёку, прислушиваясь к разговору.

В проклятом поместье пропадают люди. И это всего в одном дне пути от Капитула.

Значит, либо сюда давно не заглядывали дознаватели, ли-

бо никто не счёл местные байки достойными донесения.

Декрес сдвинул брови.

— Так как туда пройти? — И уголок его рта слегка приподнялся. — Займусь… прополкой.

Вскоре он уже шагал по горбатому деревянному мостику, перекинутому через Бирюсу у Приречной площади. Река неспешно несла свои воды на запад, к Жаннску, где впадала в Сереглавь.

Давненько он не гулял по лесу. Пойдёт на пользу.

Миновав мостик, дознаватель углубился в рощу на другом берегу. Деревья ещё не оделись листвой, поэтому лес был светлым и прозрачным.

Прямо над тропинкой зарянка заливалась журчащим ручейком, а откуда-то слева слышалась грустная флейта чёрного дрозда. Временами налетал прохладный ветер, напоминая, что сейчас только апрель. Декрес с удовольствием вдыхал аромат прошлогодней листвы и распускающихся почек.

Шелест реки постепенно стихал за спиной. Пение птиц тоже. Впереди стояла тишина.

Магистр замедлил шаг и огляделся, нащупывая за поясом жезл.

В нескольких шагах от тропинки он заметил покрытый мхом валун странной формы. Свернул к нему — и нога тут же увязла в рыхлой лесной подстилке.

Приблизившись, магистр осторожно смахнул жезлом пожухлую листву. На него смотрело каменное лицо. Даже

сквозь мох и щербины угадывались женские черты.

Каменная женщина лежала на спине, глядя в небо. Декрес хмыкнул.

Интересно, кто это? Забытая богиня? Предок семьи? Или нечто куда более древнее?

Он ещё немного постоял над статуей, а затем вернулся на тропинку. Солнце стояло высоко — времени хватит, чтобы осмотреть поместье и вернуться засветло. Впрочем, даже если задержится, темнота его не пугала.

Дальше ему попались ещё несколько статуй, почти погребённых под прошлогодней листвой. Птицы окончательно смолкли.

Декрес остановился. Что-то было не так.

Он повёл носом. В воздухе висел сладкий, густой, почти винный запах. Под ним ощущалась другая нота — прелая, тёплая, как от гниющих ягод. Будто виноград здесь одновременно зрел и разлагался.

Неправильно.

В апреле виноград не зреет. Обычно.

Магистр поудобнее перехватил жезл и продолжил путь, настороженно оглядываясь. Деревья становились всё тоньше и ниже, словно лес здесь вырос совсем недавно. Несколько раз среди стволов попадались остатки старой изгороди — полусгнившие доски едва выступали из зарослей.

Похоже, он уже вошёл на территорию поместья. В ту его часть, которую успел поглотить лес.

Через десяток шагов деревья расступились. Декрес остановился на опушке.

Перед ним раскинулось широкое заброшенное поле, сплошь заросшее коричневыми безлистными кустами. На небольшой возвышенности стоял двухэтажный каменный дом, оплетённый бурыми виноградными плетьми. В стороне темнели остовы хозяйственных построек.

Декрес приблизился и присмотрелся.

Это было не поле, а сплошные заросли, через которые к дому тянулась единственная узкая тропа. Кусты росли так плотно, что земли почти не было видно — лишь спутанные корни и плети. Некоторые лозы достигали толщины человеческой руки. И почти все тянулись к тропе.

Магистр достал из кармана схему и сверился с ней. Затем ступил на дорожку и направился к ближайшему остову. Судя по карте, там некогда стояла главная оранжерея.

По дороге среди ветвей мелькнуло яркое пятно. Приглядевшись, Декрес различил лоскут красной ткани. Чуть поодаль в переплетении лоз белели кости.

Несколько мгновений он разглядывал останки, а затем продолжил путь.

Вскоре перед ним возникла бывшая оранжерея — обгоревший, наполовину обрушившийся каркас из почерневших столбов и балок. Воздух здесь казался тяжёлым, почти липким. Лозы свисали с перекосившихся шпалер, сползали вниз и расползались по земле, перегораживая тропу толстыми уз-

ловатыми петлями.

Декрес шагнул ближе.

Одна из плетей едва заметно дрогнула.

Он остановился, всматриваясь. Показалось?

Тишина. Ни ветра, ни звука.

Среди переплетений что-то темнело. Сапог. Кожа разорвана, внутрь уже проросли тонкие корешки.

Раздался едва слышный скрип — будто натянулась сухая верёвка.

Лоза у ног магистра чуть сдвинулась. Хотя он её не задевал. Следом медленно подтянулась другая. Потом ещё одна.

Под ногами дрогнула земля.

Декрес едва успел перенести вес, когда из рыхлой подстилки выполз узловатый корень и резко метнулся к его ноге. В тот же миг сверху сорвалась плеть. Она тяжело ударила по плечу, скользнула вниз, обвилась вокруг туловища — и начала стягиваться. Медленно, неумолимо, как живая верёвка.

Декрес выкрикнул формулу и вскинул жезл, но корень на ноге резко дёрнул. Вспышка света ушла в сторону и ударила в пустоту. Ещё одна плеть скользнула по руке, обвила запястье и прижала его к телу. Сбоку уже подползала следующая.

Декрес стиснул зубы. Счёт шёл на секунды.

Он на мгновение прикрыл глаза и потянулся к Свету.

Пламя. Жар. Резкий, обжигающий.

Магистр распахнул глаза и рванулся всем телом, наскольк-

ко позволяли путы.

Пламя вырвалось наружу волной и обрушилось на заросли. Корень на ноге вздрогнул, почернел и с треском ушёл под землю, разжимая хватку. Плети задёргались, скорчились — и начали рассыпаться серым пеплом. Одна напоследок судорожно метнулась в сторону, и Декрес успел заметить привязанную к ней полусгнившую красную бирку.

В следующее мгновение она сгорела вместе с лозой.

Вокруг магистра осталась лишь чёрная проплешина.

Декрес шумно выдохнул и провёл дрожащей ладонью по лицу.

Если такая гадость осталась после Очищения семьи Кили — что же творилось здесь раньше?..

Дальше он шёл с зажжённым жезлом в руке. От навершия исходило яркое тёплое сияние, и стоило свету коснуться плетей, как те съёживались и отползали прочь.

Но долго поддерживать его было тяжело. Силы постепенно утекали, дыхание сбивалось. В какой-то момент Декрес поймал себя на том, что пыхтит почти как Тарин Вратис.

Наконец шевелящееся поле осталось позади. Магистр вышел к роще с противоположной стороны и снова достал карту. Квадрат с тремя знаками вопроса должен находиться где-то в лесу.

Сразу за опушкой тропинка оборвалась. Декрес нахмурился и двинулся напрямик, продираясь сквозь подлесок и хрустя опавшими ветками.

Прозрачный весенний лес просматривался далеко. Вскоре среди деревьев показался покосившийся деревянный столб высотой не больше метра. На нём ещё держалась полусгнившая табличка, но буквы давно стёрлись.

Магистр наклонился, провёл по древесине кончиками пальцев и поднёс сияющий жезл ближе. На мгновение проступил выцветший узор, напоминающий волны.

Декрес достал карандаш и зарисовал его рядом с отметкой на схеме. Затем выпрямился — и заметил в двух десятках шагов тёмное пятно среди стволов. По очертаниям оно напоминало строение.

Он ускорил шаг и вскоре остановился перед оранжереей. И понял, почему квадрат на карте не был закрашен.

Эту теплицу не сожгли. И не разрушали намеренно.

Она просто ветшала — как любое здание, брошенное на четверть века.

Декрес медленно обошёл её по кругу. Стёкла помутнели от времени, кое-где треснули или провалились под тяжестью упавших ветвей. В одном из углов он спугнул мелкую птицу, и та выпорхнула через пролом в стене.

Хорошо.

Раз здесь спокойно живут птицы, значит растения не хватают всё живое подряд.

Магистр погасил жезл. Дышать сразу стало легче. Сложив ладони козырьком, он прижался лицом к позеленевшему стеклу, но различил лишь тёмные размытые силуэты вет-

вей. На этот раз неподвижных.

Нормальных.

Декрес вздохнул. Снаружи он всё равно ничего не узнает.

В торце теплицы обнаружилась узкая дверь в металлической раме. Он осторожно потянул за ржавую ручку. Створка натужно заскрипела и подалась, выпуская наружу влажный тёплый воздух.

Магистр заглянул внутрь.

Оранжерея заросла. Трава покрывала почти весь пол, в углу ярко цвела примула. Из середины помещения тянулось молодое дерево, ветви которого уже выбрались наружу через проломы в крыше. От ворвавшегося сквозняка листья тихо зашелестели.

Солнце пробивалось сквозь редкие кроны и прогревало старое стекло. Здесь было заметно теплее, чем снаружи. Растения выглядели совершенно обычными — такими же, как в окрестном лесу, только опередившими весну на несколько недель.

Декрес распахнул дверь шире и вошёл.

Он прошёл оранжерею из конца в конец. У противоположной стены обнаружился небольшой стеллаж, почти развалившийся от сырости и времени. Рядом стоял стол, вокруг валялись обломки мебели. В одном из ящиков нашлось несколько мелких монет, покрытых патиной, обломок пера и пустая чернильница.

Магистр осмотрел каждый угол. Под дикой травой всё

ещё угадывался рисунок старых грядок, но от прежних посадок ничего не осталось. Ростки пробивались беспорядочно — занесённые ветром или птицами.

Он остановился посреди теплицы и ещё раз медленно огляделся.

Её не уничтожили.

Её опустошили.

Что-то отсюда вынесли. Только кто? Инквизиторы во время Очищения? Сами владельцы перед арестом? Местные — уже потом?

Ответов не появилось. Только новые вопросы.

В Дивносад Декрес вернулся уже после заката. Обратный путь занял гораздо больше времени: через заросшее поле он больше не рискнул идти и сделал большой крюк по лесу.

Когда магистр наконец вышел к реке, сапоги промокли насквозь, полы плаща отяжелели от влаги, а над водой уже проступали первые звёзды. Долгое поддержание сияния давало о себе знать: руки подрагивали, в висках зарождалась тупая боль.

Декрес ступил на мост. Шёл медленно, слегка пошатываясь. Впереди мерцали огни городка, а в голове снова и снова складывалась одна и та же мысль.

Все остальные оранжереи сожгли.

Эту — оставили.

Кто-то решил, что с ней следует поступить иначе.

Верхние сады

Лес окончательно сомкнулся вокруг каравана.

Высокие стволы тянулись вверх, кроны сходились над головой, и свет пробивался вниз редкими размытыми пятнами. Воздух тоже изменился — к морозной свежести примешивались запахи смолы и сырой земли.

Вскоре вдоль берегов появились первые следы жизни. Сначала едва заметные: навесы из аккуратно переплетённых еловых ветвей, каменные кострища, тонкие тропы, уходящие в чащу. Затем потянулись лёгкие мостки над водой, а среди деревьев замелькали постройки, почти неотличимые от леса.

Таёжные эльфы.

Каэдриэль с интересом наблюдал за местными. Те отвечали лишь мимолётными взглядами, словно караван был очередным сезонным явлением — вроде разлива реки или прилёта птиц.

Темноволосые, темноглазые — под стать окружающему лесу. Даже одежда из грубой ткани, кожи и меха почти сливалась с древесной корой и прошлогодней хвоей.

С каждым днём снег вокруг стволов оседал всё сильнее. В лесу громче звенела капель, перекликались синицы. Караванщики всё чаще сходили на лёд и внимательно изучали трещины и тёмные пятна под ногами.

Однажды вечером караван покинул речное русло. Переночевав в домиках, сплетённых из ветвей, утром путники продолжили путь уже по тракту. Река теперь бежала рядом и дальше впадала в Айламу, а та далеко на юге, в Брилани, несла свои воды в Сереглавь.

Сани со скрежетом ползли по раскисшему снегу. Копыта ойлаков то и дело погружались в воду, вдоль обочин весело журчали ручейки.

Каэдриэль разглядывал строения Ойлора. Могучие ели росли группами по четыре, их ветви переплетались, образуя стены и подобие крыши. Встречались дома побольше — из шести или восьми деревьев. А у самого въезда профессор заметил молодые ели, высаженные точно таким же образом. Будущие дома.

Кое-где между стволами тянулись густые переплетения берёзовых ветвей.

Интересно, они сами так выросли или это работа мастера?

Ойлак с громким плеском ступил в лужу и остановился. Сани в последний раз протяжно скрипнули, проехав полозьями по талой воде.

— Приехали! — крикнул ведущий возница.

Каэдриэль легко соскочил на землю — и тут же оказался по щиколотку в ледяной воде.

— Ах ты ж стужа! — выругался он себе под нос, а затем спросил громче: — А дальше?

— Мы через неделю обратно, — отозвался возница. — Снег тает. Сани уже не пройдут.

— А на юг как попасть? — профессор подхватил поклажу.

— По реке. Скоро вскроется.

Каэдриэль покосился на лёд, поблёскивающий между деревьями, забросил сумку на плечо и побрёл к видневшейся впереди поляне, хлюпая по снежной каше. Вскоре под ногами появилась дорожка из потемневших досок. В воздухе пахло свежей смолой.

Через несколько минут он вышел на округлую площадь, выложенную теми же досками. Снег здесь почти сошёл, лишь кое-где ещё лежали бурые клочья. Вокруг стояло несколько небольших плетёных домов. Из одного доносился размеренный металлический стук.

В центре площади росла огромная разлапистая ель. Её ветви были искусно разведены в стороны, образуя широкий навес, а по краям к ним поднимался переплетённый кустарник.

Каэдриэль нырнул под пушистые лапы. В лицо пахнуло хвоей.

Внутри оказалось тепло, почти как в доме. Солнечные лучи просачивались сквозь прорехи и ложились на дощатый пол золотистой мозаикой.

У самого ствола стоял небольшой плетёный стол. За ним сидела девушка и листала толстую тетрадь. Тёмно-каштановые волосы с зеленоватым отливом были убраны от лица в

две тонкие косички. Услышав шаги, она подняла голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.